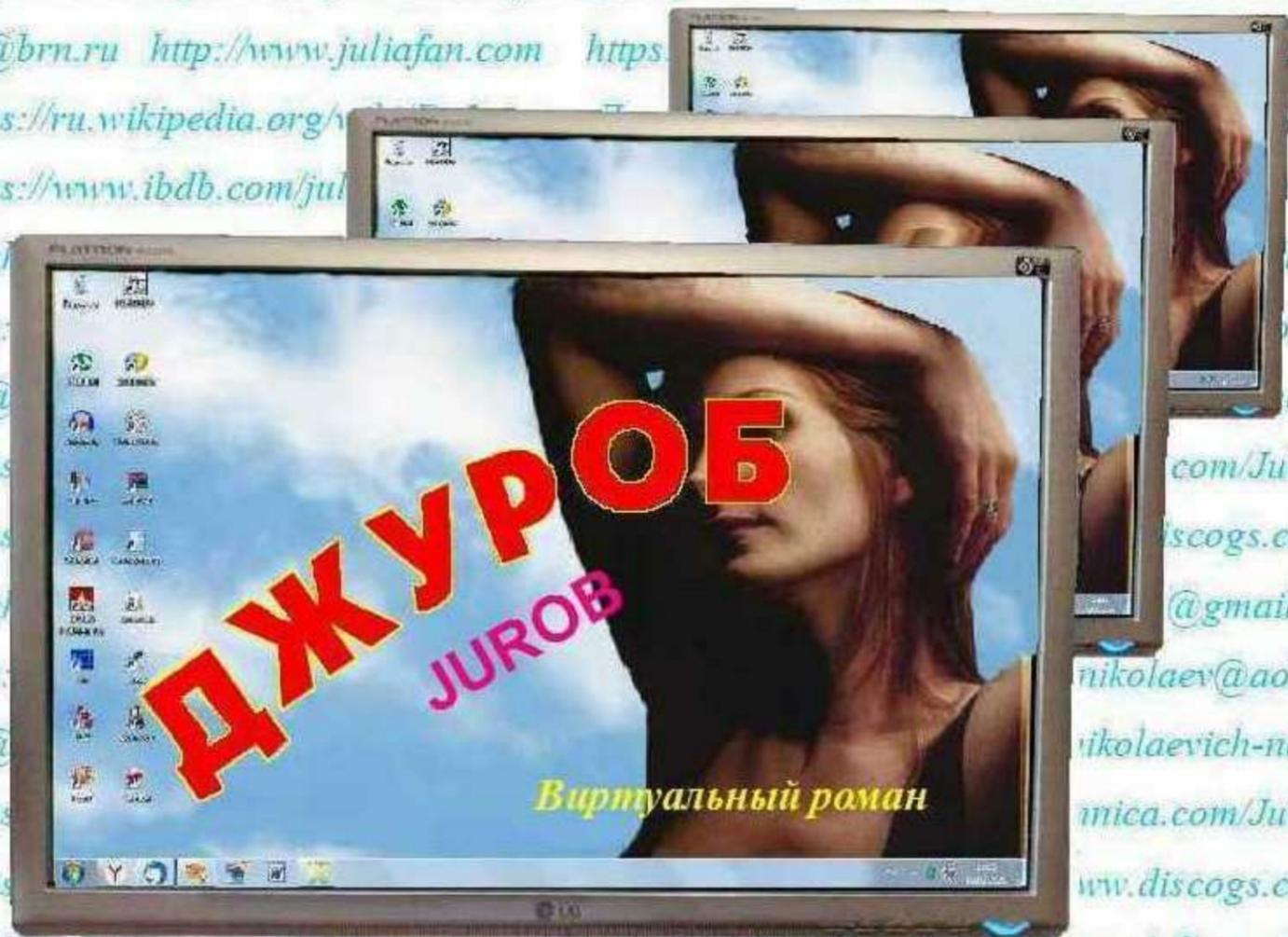

Николай Джуробкин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Наседкин

Джуроб. Виртуальный роман

«Автор»

2005

Наседкин Н. Н.

Джуроб. Виртуальный роман / Н. Н. Наседкин — «Автор», 2005

Наседкин Николай Николаевич — прозаик, литературовед, автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш» («Город Баранов»), «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и др., вышедших в московских издательствах «АСТ», «Эксмо», «Голос», «Алгоритм»... Герой этого «виртуального романа» 25-летний Николай Насонкин открыл способ, как не только встретиться с мегасуперзвездой Голливуда Джулией Робертс (причём 22-летней, периода съёмок в «Красотке») и даже не только поцеловать её... Фантастика? Да нет — реальность! Мы только начинаем постигать виртуальный мир, который находится параллельно с нашим. Компьютерные технологии открывают в этот мир двери... Не верите? Тогда этот увлекательный роман для вас! Верите? Тогда тем более! Впервые роман был издан в московском издательстве «Сова» в 2005 г., переведён на польский язык. Содержит нецензурную брань.

© Наседкин Н. Н., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Предыстория	5
Глик первый	7
Глик второй	10
Глик третий	13
Глик четвёртый	15
Глик пятый	19
Глик шестой	22
Глик седьмой	25
Глик восьмой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Наседкин

Джуроб. Виртуальный роман

Предыстория

Сердце мне подсказывало – не встревай в это дело, не надо...

Хотя, в принципе, казалось бы, я ведь не потерял ничего, наоборот, – приобрёл. Однако ж, глыба-глыбища на сердце, которое как бы загодя почувствовало, что окажется крайним, будет расплачиваться за этот *виртуальный* подарок судьбы, осталась-повисла такая невероятная – в пору самому раз и навсегда исчезнуть из этого опостылевшего мира...

Впрочем, – всё по порядку.

В середине декабря я по электронной почте послал в издательство «Астрель», где у меня только что вышел роман «Алкаш», файл новой книги «Жёсткая проза». Оставалось ждать ответа из Москвы с до зарезу необходимыми мне словами: предложение нас заинтересовало, приезжайте для заключения договора... В ожидании и предвкушении я размечтался и об авансе в пятьсот, а то и в целую, как выражаются крутые, тонну зеленопузых баксов, и, соответственно, о праздничном столе с коньяком, шампанским и зернистой икрой – всё ж таки миллениум!

Одним словом, я с таким горячим нетерпением ждал из столицы отклика, что отрубил на время все подписки новостей, которые получал по e-mail¹. А так как за последнее время я заблокировал-отвадил практически и всех настырных рассылщиков спама, а *мылом* регулярно я обменивался всего с двумя-тремя людьми на всём земном шаре, то и остался в итоге наедине с пустым почтовым ящиком. У меня хватало выдержки не включать модем днём, а вечерами, когда, по моим подсчётам, издатели уже должны были отправить-разослать всю какую ни на есть электронную почту, я нырял в Интернет, запускал Outlook Express и, как последний дурак, тратя драгоценное онлайн-время (доллар за час!), долго лицезрел в пока ещё смутной тоске глумливую надпись-уведомление в окне папки «Входящие»: «В данном представлении нет записей».

И так – день за днём! Миллениум неотвратимо надвигался, а у меня никаких перспектив ни на коньяк, ни на шампанское, ни, тем более, на икру – придётся новое тысячелетие встречать пошлой водкой, пивом и, опять же, ливерной колбасой и плавлеными синтетическими сырками...

И вот, уже 31 декабря, перед тем, как нарезать позорную требуховую колбасу да вдарить под неё с отчаяния граммов двести пятьдесят опилочной отравы, я без всяких надежд, только лишь бы потратить оставшиеся на карте входа в Интернет последние двадцать минут, подключился, раскрыл почтовый ящик и вдруг увидел информацию о полученном сообщении. Я едва дождался, пока оно сольётся в комп. По затянутости процесса я догадался, что письмо тащит за собой солидный прицеп. Так и оказалось: информационная строка пиктограммой скрепки уведомляла о вложенном файле, обратный адрес выглядел так – lamer@mail.ru, а в графе «Тема» значилось лаконично: «Текст». Ничего себе! Видать – отлуп от издательства с присовокуплением моего же несчастного файла. Хотя у «Астрели» и был другой e-mail'овский адрес, но сменить почтовый сервер в наши дни – две минуты хлопот. Впрочем, для издательской фирмы интернетовское имя звучало-выглядело несолидно, юморно, даже ёрнически – ещё бы *чайником* подписались!

¹ Для читателей, ещё живущих в докомпьютерной, доинтернетовской эпохе, а таких у нас в России по статистике ещё немало, в конце даётся-прилагается небольшой словарик компьютерных терминов и сленга.

В нетерпении я кликнул мышью, раскрыл письмо и прочёл:

Николай Николаевич, Вы меня не знаете, но это не важно. Я Ваш тёзка, а фамилия моя... Нет, не важно. Ничего не важно! Важно, что я выбрал Вас. Да больше и некого! Впрочем, это, может быть, звучит обидно для Вас... Хотел стереть это, да – ладно. Во-первых, у меня есть, я читал все Ваши московские книги: и «Осаду», и «Криминал-шоу», и самую последнюю – роман «Алкаш». Но, главное, я только что прочёл Вашего «Достоевского», который вышел в нашем издательстве. Так что, я знаю, КОМУ доверяю свой текст. Смейтесь не смейтесь, а я чувствую общность наших душ. Я даже, как Вы заметите, в подражание Вам часто использую-применяю в своём тексте «парнишки», как я их называю, то есть – двойные, сцепленные дефиской, слова. Во-вторых, о Вас хорошо отзывается небезызвестный, надеюсь, Вам поэт Телятников Аркадий Васильевич² (впрочем, в отчестве, может быть, ошибаюсь), с которым мы приятельствуем. Ну, а в-третьих, как я узнал из газеты, Вы единственный из местных писателей гуляете в Сеть, имеете свой персональный сайт и мыльный адрес³. К слову, побывал я в ноябре на юбилее вашей писательской организации в облбиблиотеке, поглядел на местных Беловых-Бондаревых, послушал их речи-выступления – лохи лохами! Они, поди, до сих пор лаптем щи хлебают...

Опять я не о том!

Короче – вот Вам мой текст. Что хотите с ним, то и делайте. Лыщу себя надеждой, что если Вы приложите к нему руку, то может что-то и получится – рассказ, повесть, роман... Не знаю! Знаю, что фактура, как говорится, налицо, сюжет обозначен, настроение, тон (в этом я уверен) есть-имеется, а уж как из всего этого сделать прозу – не мне Вас учить. Прошу только не менять моё обозначение-название разделов – глики. Это мой неологизм, получившийся в результате совокупления словечек «клик» и «глюк». Причём «глюк» не только в компьютерном смысле, но и... В общем, Вы поймёте.

Всё! Остальное – в файле...

На первых строках я, конечно, гнева Бога, матюгнулся. Но дальнейшее меня заинтересовало, а уж упоминание о моих книгах и вовсе благорасположило в пользу неведомого Ламера. Да и то! Роман «Алкаш» всего с месяц назад вышел в Москве и у нас в Баранове только-только начал продаваться, а уж книга о Достоевском, изданная нашим местным университетом совсем смешным тиражом и буквально на днях, уж и вовсе не могла ещё вызвать отклика, да вот – поди ж ты! К тому же, строка о «парнишках» не могла не заинтересовать: это он так мои *дилексемы*, которые мне чрезвычайно нравится *изобретать-придумывать*, называет, что ли?..

Аккуратно переместив-сохранив файл в специально приготовленную для пришельцев из Интернет-космоса папку «Карантин», я увидел, что он был упакован RAR'ом, «весил» почти 700 килобайт и назывался «JULIA ROBERTS». Я просканировал-проверил его для подстраховочки на педикулёз антивирусом (хотя мой недремлющий аргус AVP Монитор в случае чего и так бы не позволил заразному файлу запуститься-раскрыться) и – разархивировал. Файл, прорвав тенета упаковки, вырос-раздался в глубинах моего Pentium'a почти до двух мегабайт и скомпоновался в виде электронной сайт-книги: каждый «глик» являлся гиперссылкой, и чтобы увидеть продолжение, надо было кликать мышкой для перехода на следующую страницу. Кроме того, то и дело встречались ссылки на картинки-иллюстрации.

Итак, вот этот странный текст под названием «JULIA ROBERTS»:

² Некоторые имена и фамилии я изменил по понятным соображениям.

³ Это правда, более того, у меня даже два сайта: <http://www.niknas.hop.ru>, <http://www.niknas.narod.ru>; а e-mail – niknas2000@mail.ru.

Глик первый

Я, конечно, – сумасшедший. Пусть! Тем и лучше – хоть какое-то объяснение...

Впрочем, надо попытаться с начала – ab ovo⁴. Иначе сам чёрт ничего не поймёт. Да и самому надо всё разложить по полочкам, разобраться-вдуматься – может, всё не так дико и фантастично, как мне мнится-кажется?

А началось всё 6-го марта 1998 года – это уж я запомнил твёрдо. Я впервые увидел «Красотку». Да, да! До этого я никогда и ничего не слышал об этом фильме, или – пропускал название мимо ушей. Вот что значит не иметь в доме видака и полностью зависеть от телеящика, от наружной общей антенны, которая позволяет улавливать только первый и второй каналы. Больше того, я даже имя Джулии Робертс до того дня практически не знал, не слышал. Ну, что делать – лох! Одним словом, когда в телеанонсе накануне я услышал, что завтра, в пятницу, будет крутиться знаменитый фильм-блокбастер с самой известной и неподражаемой звездой Голливуда Джулией Робертс в главной роли – я принял это, естественно, за обычный рекламный трép. Представить дико: я вовсе и не собирался смотреть этот так нагло рекламируемый, как тогда думал, фильмце!

День 6-е марта был дурацким, нервомотательным днём. Лил-хлюпал за окном нескончаемый дождь, я бегал по размокшим улицам сначала в поликлинику сдавать анализы (что-то тревожило-томило болью в животе под ложечкой), потом аллюром обратно на работу – читать-редактировать пухлый кирпич кандидатской диссертации аспиранта со спортфака:

...круглый полуприсед дугой внутрь, выкрут мяча наружу, разноименный поворот на 360° и передать мяч за спиной в левую руку с вывертом обратной плоскости ладони...

Я вылизывал-редактировал этот физкульт-бред целую неделю, автор торопил-подгонял меня каждодневными звонками – это было первое моё серьёзное задание в издательстве, и я вымотался донельзя. Когда в полседьмого вечера я очутился дома, заляпанный по пояс грязью и по самое горло делами-заботами, то вспомнил, что Анне-то своей я так и не купил даже букетика мимоз и теперь придётся выбираться за ним под дождь завтра, в самый канун праздника.

Чтоб все эти дурацкие праздники провалились куда-нибудь на фиг!..

Впрочем, диссертант-авральщик вручил мне в благодарность за труды и в порядке компенсации за нервотрёпку бутылку хорошей водки и коробку ассорти. Вот и ладненько, решил я: конфеты вытащим-предъявим 8-го утром и вручим своей ненаглядной вместо стандартных мимоз, а водочку сегодня же и распробуем – начнём загодя женский день праздновать, поднимем настроение. Я тут же, не дожидаясь благоверной, попробовал «Губернскую» на вкус, занюхал-закусил колбаской ливерной, кусочек выделил-отрезал извращенцу Баксу Марковичу (он рыбу натуральную не так охотно ест, как эту позорную колбасу – урчит прямо!), потом взялся заваривать на ужин магазинные пельмени...

Совсем без скандала поужинать не довелось: Анне Иоанновне моей не понравилось, что я приложился к бутылке до ужина, что я прикладывался к ней во время оно, и что я вообще распечатал дармовую «Губернскую» – ведь на празднично-юбилейный обед тогда можно было и не покупать.

– Анна Иоанновна, – подъялдыкнул я, – это ж я из уважения к вам, к бабам-с! Я за вас готов пить всегда и везде, не дожидаясь пошлых поводов! Что касемо растрат, то я уже второй

⁴ ab ovo – букв. «с яйца»; с самого начала (лат.).

месяц, как вам известно, зарплату получаю и впредь надеюсь получать, так что – неужто не прорвёмся?

– Зарпла-а-ату... – зло ворчнула моя ненаглядная – терпеть не может, когда я величаю её «Иоанновной». – На твою зарплату проживёшь, куда там!

Самое что бесит – права она, на все сто права. И возразить нечего. Полгода я ходил безработным после получения диплома филфака, и вот только второй месяц, как устроился в издательство университета редактором. Оклад мне положили, смешно сказать... Да ну – и говорить не хочу! Впрочем, я возразил:

– Ну, во-первых, моя зарплата всё-таки больше твоей аспирантской стипендии. Во-вторых, братан твой за честь должен почитать и дальше нам вспомоществовать, ибо, как и любой «новый русский», только возвращает нам у нас же и отграбленное. Ну, а, в-третьих, если Вован твой Иванович и вправду не врёт как сивый мерин, и если на самом деле подарит нам к юбилею комп, то я уже с понедельника начну грести деньги лопатой – буду набирать и распечатывать тексты мегабайтами и килотоннами...

Да, да, Джулия и компьютер в жизнь-судьбу мою вошли практически одновременно – вот в чём символика и таинственный код дальнейших событий, вот в чём суть. А не в наших глупых, надоевших, бесконечных, бессмысленных и пошло-обыденных ссорах-препираательствах двух нищих, уставших от бытовухи и друг друга, преждевременно старящихся людей. А ведь нам обоим было тогда всего по двадцать три, и мы всего пять лет как жили вместе, казалось, вчера только мы были первокурсниками, шумела наша разгульная студенческая свадьба, были безумные, бессонные ночи с изматывающими до сладостного изнеможения переплетениями тел...

Хотя, стоп: про «переплетения» я перебарщиваю. С «переплетениями тел» в семье нашей с первых дней была-ощущалась напряжённость. Влюблённость была, секс был – переплетений и страстных стонаний не было. Вместо стонов сладострастия были охи-ахи страхов-опасений: как бы нам не забеременеть, да как бы скрип супружеского нашего дивана-развалюхи соседи через стенку не услышали...

Только для того, чтобы загасить начавшуюся ссору, я и врубил телящик. Уселись мы его смотреть в надутым состоянии духа, особенно я – отобрала-таки Анна Иоанновна оставшиеся полбутылки, спрятала. Когда фильм начался, я, оглаживая мурчащего на моих коленях Баксика, думал напряжённо о своём: как, под каким предлогом в кухню выбраться и шмон-разведку насчёт ещё ста граммчиков устроить? Подруга жизни, как всегда, сидела в кресле сзади, вязала бесконечный свитер, сосредоточенно посапывала – для неё важнее вязания по вечерам и дела нет. К слову уж упомяну: больше всего меня в Анне моей поражает равнодушие её к литературе, индифферентное отношение к книге – читает только по программе, по необходимости, никогда лишнего раз по вечерам томик не откроет. А ведь филфак кончила, в аспирантуре учится, кропает диссертацию по Сергееву-Ценскому...

Нонсенс, абсурд!

Джулия Робертс поначалу не произвела на меня особого впечатления. Не знаю, была ли это задумка с белым париком удачным ходом режиссёра, или так случайно получилось, без умысла, но я впоследствии убедился: Джулия-блондинка, если можно так выразиться, менее Джулия Робертс, чем Джулия рыжеволосая. Хотя, как я уже вскоре узнал, от природы она была светлой шатенкой – что ж, и природу можно удачно корректировать. Не вызвал поначалу симпатии, само собой, и проститутский имидж её героини – вихляющая тазобедренная походка, юбочка по самое не могу, блядские ботфорты до подмышек, нагловатый *скоромный* взгляд...

Но какое-то непонятное – томительное – волнение я почувствовал в сцене, когда Ричард Гир отрывается, наконец, от деловых бумаг и начинает заинтересованно, по-мужски, смотреть на безудержно хохочущую на ковре перед телевизором Джулию. И вдруг как начало меняться лицо её, как зримо, *физически*, начал умирать-затихать смех в её горле, и вот её губы, её неве-

роятно большой, почти арлекинский, но прекрасный чувственный рот закрылся, погасив-спрятал до конца и улыбку, а в глазах, в темноте бездонных зрачков появились отблески лёгкой досады, неизбежного стыда-смущения и, вместе с тем, ощущения своей силы, своей власти над самцом, сознания, что власть эта через минуту станет беспредельной, безграничной...

И когда Джулия на коленях, нет, даже, скорее – на четвереньках, по-самочьи, подползла-приблизилась к Гиру, расстегнула пуговицы своей блузки, показала-выставила на обозрение скромный чёрно-белый лифчик, скрывающий явно небольшую, совсем девчоночью грудь, вдруг так остро захотелось, чтобы она взяла, да и рассмеялась в лицо этому проклятому самцу-миллионеру, снова наглухо зашторилась-застегнулась, швырнула ему в лицо его паршивые вонючие баксы и с высоко поднятой головой ушла на своих фантастически длинных *гордых* ногах прочь и подальше. Но вместо этого Джулия вдруг начинает копать пальцами в районе ремня и ширинки-гульфика Гира, всё там рассупонивать-расстёгивать...

Она заглядывает ему в глаза и, опять же через силу, как мне показалось, спрашивает:

– Что ты хочешь?

– А что ты делаешь? – дебилливо, скорее всего по вине дублёра, отвечает Гир. Вероятно, он всё же спрашивает: – А что ты умеешь делать?

– Всё, – пытаюсь быть бесстыдной, отвечает Джулия, вернее, конечно, Вивьен. И торопливо уточняет: – Но я не целуюсь в губы...

И тут она недвусмысленно склоняется, скользит губами по его животу, потом всё ниже, ниже...

Я невольно сжал-стиснул Баксика так, что котяра бедный рывкнул со сна и спрыгнул, ошарашенный, на пол. Я смотрел на лицо Ричарда Гира, который похабно закатил глаза от удовольствия, чуть не пристанывая, и мне было до того горько и обидно, было так чего-то до ноющей боли в паху жаль, что я скрипнул зубами. Ну, ладно бы какая-нибудь сексапильная эксгибиционистка Шэрон Стоун или похотливая сучка Ким Бейсингер в этой сцене снималась – приятно было бы посмотреть. Но эта-то, эта-то Джулия – как её там? – Робертс, с её милым обликом, её добрыми, уже совсем не стервозными глазами, с её простодушным ртом, её невероятным завораживающим открытым смехом – ну зачем, зачем она на такое непотребство согласилась-пошла? Ведь это всё равно как если бы Одри Хепбёрн в «Римских каникулах» начала Грегори Пеку ширинку теребить-расстёгивать...

Потом до конца фильма я сидел, вцепившись в подлокотники кресла, словно во взлетающем бесконечно самолёте, и молил Бога, чтобы Анна моя со мной не заговаривала даже и во время рекламных пауз-антрактов. В иные моменты я, если продолжить сравнение с самолётом, словно ухал в воздушные ямы, чуть не до душевного оргазма – когда, например, Джулия впервые вышла-показалась без светлого парика, встряхнула головой, размётывая по плечам прекрасную свою тёмно-червонную гриву, и зачем-то, как бы извиняясь, мило пояснила-призналась: «Рыжая!..» Или когда она у лифта, собираясь уходить прежде времени, после ссоры, но уже и поддавшись на уговоры остаться, говорит Гиру с укоризной: «Ты обидел меня? Больше так не делай...» И особенно – когда крупным планом показывали её ангельски красивые и чертовски умные глаза, и когда через голос дублёрши-переводчицы прорывался её доподлинный необыкновенный колдовской смех: за один этот смех можно было влюбиться в Джулию не глядя!

Одним словом, она вошла-проникла в жизнь мою, в моё сознание, заполнила всё моё естество томительной болью-сладостью, словно сильное наркотическое опьянение. Моя жизнь с вечера 6-го марта 1998 года разделилась на «до» и «после»...

Я влюбился в Джулию Робертс – влюбился всерьёз, влюбился отчаянно, влюбился безудержно, влюбился сумасшедше, влюбился глупо, влюбился патологически...

Безнадежно!

Глик второй

Любовь...

Никто не знает, что это такое! Одно бесспорно: любовь и счастье – синонимы.

Кто-то будет смеяться надо мной – втюрился, как школьник-онанист, в голливудскую кинозвезду. В своё оправдание скажу: уж лучше влюбиться в голливудскую звезду, чем в мысль-мечту о самоубийстве. А у меня дело к тому шло. Ощущение тупиковости, безысходности и законченности жизни-судьбы выросло-расширилось в сознании к тому времени до крайнего предела. С Анной мы жили под одним потолком пять лет, но знали друг дружку, что называется, чуть не с пелёнок: сидели с пятого класса за одной партой, поступили вместе на филфак, сейчас бы и в аспирантуре вместе доучивались, да меня, к счастью, ещё на пороге сразу завернули. Говорю «к счастью», потому что, только отлепившись-отодвинувшись волею обстоятельств от моей Анны (так и просится-выскакивает следом – Иоанновны!) во времени и пространстве, я осознал-почувствовал вполне – как мы друг от друга устали. Это же тихий ужас: в институте вместе, дома вместе, в гостях вместе, в отпуске вместе, в праздники вместе, в выходные вместе, утром, днём, вечером, ночью – вместе, вместе, вместе!..

Я не оправдываюсь. Я не пытаюсь объяснить своё сумасшествие. Да и что там оправдываться-объяснять – так случилось. Впрочем, ни о какой любви поначалу, разумеется, и речи не шло. Просто я весь тот вечер ходил-шатался по квартире под впечатлением «Красотки» – даже про недопитую водку забыл. Я спать ложился под этим впечатлением. И даже – уж признаюсь – я вдруг, уже в темноте, на Анну навалился и, сломив её вялое сопротивление, изнасиловал, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не простонать во время последних конвульсий – моих конвульсий: «Джу-у-улия-а-а!..»

Через день, как уже упоминалось, я стал компьютеровладельцем, чайником. Мой, выражаясь замшелю, шурин Вован (выбрали же предки имя – как предчувствовали!), несмотря на свои сопливые 20 лет, уже принадлежал к клану нынешних хозяев жизни. Он – крутой. Еле еле кончил 7 классов в своей деревне, перебрался в город, фарцевал-спекулировал, откосил от армии (я и сам не служил, но вполне честно – по здоровью), заделался вскоре совладельцем фирмы «Хакер» по продаже компьютерного железа и вот теперь, пожалуйста, ездит-рассекает пацан на джипе «Гранд-Чероки», голова-тыковка всё время скособочена к плечу, мобильник зажимает, барсетка у него размером с портфель и набита под завязку баксами-капустой, говорит он со мной, уж разумеется, через губу, забыв, козлёнок, как я ему совсем ещё недавно соплю утирал и от дворовых малолетних рэкетилов спасал-отмазывал. Да чёрт с ним! Я ему не завидую. Я всем им, этим бритоголовым вованам, не завидую: век их недолог – и в прямом, и в переносном смысле. В принципе, я должен быть шуряку своему и благодарным – он, действительно, подкидывал сестре матпомощь довольно регулярно и вот даже разорился на компьютер – ей для диссертации, мне, зятю, для приработка: сколько ж можно из него, Вована, соки тянуть!

Машина оказалась, впрочем, далеко не первой свежести – подержанная, потрёпанная, катастрофически устаревшая ещё позавчера «четвёрка». Но, как говорится, дарёному компу в чипы не смотрят. Ну и намучился я с ним в первое время! Строптивец зависал-глючил буквально через два шага на третий, не компьютер – глюкодром. Хотя, с другой стороны, хакерами не рождаются, хакерами становятся в борьбе с глюками. До этого я только, ещё в студенчестве, набирал-настукивал тексты в Lexicon'e, считая компьютер за обыкновенную только навороченную пишмашинку. И вот, когда Вован Иваныч, как всегда дёрганный, суетливый, злой с похмелюги, заскочивший к нам буквально на бегу – сеструху поздравить с женским днём да годовщиной свадьбы – взгромоздил на стол наш письменный сам блок и монитор, соединил-законтачил их проводами, воткнул куда следует шнуры от клавиатуры и мыши, включил, убедился, что

картинка появилась, удовлетворённо хмыкнул, хлопнул меня покровительственно по плечу, хлопнул затем и стопарь виски, поднесённый Анной (специально бутылка в доме для Вована хранится – он только «скотч» употребляет), бросил уже в дверях: «Звякай на трубу, если чё, типа, проблемы будут!» – и исчез, я сел на стул и минут десять смотрел на компьютер не мигая, со сдавленным сердцем. Да, именно в это мгновение, в эти несколько *переходных* минут я ощутил-почувствовал всеми фибрами рефлектирующей своей души, что наступает, уже практически наступил в моей жизни-судьбе этап, который резко перевернёт всё и вся, что началась для меня компьютерная, виртуальная эра, в которой (да, да, я это почувствовал, я это предчувствовал уже тогда!) суждено мне кардинально измениться...

Я был, конечно, уже слегка пьян, а перед тем, как подступить к компу вплотную, вдарил ещё полстакана водочки, так что соображал не весьма трезво и потому с четверть часа тупо пялился на экран дисплея, – красивого, празднично-голубого цвета с жёлтой полосой понизу – пока до меня не дошло, что компьютер мой свежеподаренный, что называется, висит, как боксёрская груша. Но у меня хватило ума обесточить-выключить его и не касаться больше до утра: Вовану наверняка было уже не до меня, в «Фигурнове» и по трезвому-то мало чего разберёшь, а самому наугад бить-стучать по клавише и давить батоны муси – потом не расхлебашь. К слову, я впоследствии убедился вполне, что компьютер действительно не любит, больше того – не терпит пьяного за рулём, то бишь, за клавиатурой.

В конце концов, я обуздал свою «четвёрку», более-менее приручил, научился ею править-управлять не хуже, чем мифический Аполлон бешеной квадригой на фронтоне Большого театра. К счастью, я расторопно разобрался, что «Фигурнов» даже в его 6-м издании-варианте – помощник-подсказчик в компьютерном обучении весьма уже обветшавший, так что поднакупил справочников поновее, *повиндовстее*. Забегая вперёд, скажу, что самый лучший самоучитель для «игры» на компе, без сомнения, наша отечественная «Новейшая энциклопедия персонального компьютера» Виталия Леонтьева – она вышла позже, когда у меня был уже новый комп, и стала, без преувеличения, моей настольной книгой. Если бы все учебные пособия писались так толково и таким *человеческим* слогом – можно было бы упразднить к чёртовой бабушке все школы, курсы, вузы, колледжи, лицеи и прочую образовательную нагромождённость...

Куда это я? Возвращаюсь в колею.

Само собой, тут же встала во весь свой баскетбольный рост проблема с Интернетом. Вернее, с отсутствием у меня модема. Перед этим я унизился – выпросил у Вована принтер. Этот гондон штопаный (прости, Господи!), естественно, заковывался, сделал вид, будто не просекает, о чём речь-базар, как они, дебилы, выражаются – пургу начал гнать: мол, на печаталку сам бабки нарисуй-напечатай... И я пошёл ва-банк: я вежливо напомнил-объяснил неразумному моему родичу, что пять-шесть кусков деревянных мне не заработать даже и за год, а без принтера его дарёный вонючий писюк, вот именно, будет не писюком, а простой железякой, каковую я сейчас же и выкину с пятого этажа на хрен и об асфальт, после чего его, Вована, жлобской ноги на пороге моего дома больше не будет до скончания века!..

Проняло. На струйный и, тем более, лазерный не разорился, пожмотничал («Будешь, – уел, – потом на расходные у меня же клянчить!»), но вжикалку за две с половиной тыщи, хотя, опять же, «б. у.» и не самую лучшую, всего-навсего 9-игольную, модели «Epson LX», выделил. Я, конечно – глуп человек! – сперва не очень-то доволен остался, но впоследствии не раз убеждался в разумности такого исхода дел: на порошок или чернила для навороченных принтеров надо действительно миллионерский кошелёк иметь и каждую страницу лишней раз бояться распечатать – одна заправка стоит несколько сот рубликов. А на своём Эпсоне, не на этом, а другом, более продвинутом (с 24 иголками), который я впоследствии заимел, я умудрялся с одним картриджем и сменной лентой до полутысячи страниц отшлёпывать-печатать...

Тьфу ты, опять понесло в сторону!..

Короче, я, конечно, понимал, что о модеме заикаться Вовану даже бесполезно, а без выхода в Интернет мне уже и жизнь была не мила. Пусть, пусть я преувеличиваю чуток, но – не на много: мне крайне и позарез нужно было пробраться во Всемирную Сеть. И вот тут я проявил такие хватские способности, которых никак от себя не ожидал, и провернул операцию, как какой-нибудь стопроцентный делец-бартерщик. Впрочем, опять дело случая, меня как будто кто-то настойчиво вёл-подталкивал. В рекламной газетёнке «Всё для Вас» я увидел объявление: «Меняю внешний модем на матричный принтер». Я быстренько сообразил-прикинул: свои тексты набранные я смогу распечатывать пока в издательстве – там вжикалок хватает. И мы в момент законтачили-договорились с этим доброхотом, он мне вручил-передал за мой 9-игольный дрюкер вполне приличный и почти новый модем «ElineCom 34/56», да ещё и (тут уж я совсем оделаварился!) кинул сверху монет на 20 часов Интернета.

Когда Анна моя с работы пришла – уже было поздно хай поднимать, орать, визжать и звонить братану. Я ей разумно объяснил: принтер – дело наживное, а вот без вояжей-путешествий в Интернет мне обойтись никак нельзя, ну совершенно невозможно. Почему невозможно – подруга жизни уразуметь толком так и не смогла, но тон мой её убедил. Она знала: если я заговорил *таким* тоном, спорить со мной бесполезно и даже опасно – лучше не связываться. Многолетняя дрессировка давала свои плоды.

И вот наступил день, когда я настроил в компьютере все программные дороги-повороты для выхода в Internet, засветил разноцветный светофор модема, открывающий мне светлый путь, набрал телефонный номер, ввёл имя-логин, код-пароль с карты входа и – нырнул впервые в этот бездонный, необъятный, бесконечный океан, в эту параллельную метagalaxy. Нырнул, чтобы найти-разыскать в этом безбрежном метамире, в этой супергалактике одного бесконечно интересного для меня человека – Джулию Робертс.

Красотку Джулию!

Глик третий

И сразу же я испытал шок.

По подказке Виталия Леонтьева, я, едва оглядевшись в виртуальном лифте-броузере Internet Explorer, разобравшись с кнопками, иконками и папками, тут же поднялся на этаж-портал www.aport.ru, сразу убедился, что две подлые сестры реального мира – реклама и политика – правят бал и в виртуальном, вызвал интернет-проводника «Апорт!» и приказал вести меня в те сайты-помещения, где смогу я встретиться с моей мечтой. Поисковый робот прозондировал искомые ресурсы, пошарил по сетевым сусекам и выдал мне план-список маршрутов – Джулия Робертс была прописана на 862-х сайтах! И вот тут я невольно, по незнанию и по роковому стечению обстоятельств совершил ужасную ошибку: я с первого же клика попал на ту единственную из более чем восьмисот шестидесяти страниц, которую должен был просмотреть одной из последних или вообще самой последней. Эта страничка, находящаяся по адресу...

Впрочем, нет, к чёрту, не буду светить этот адрес! Так вот, эта веб-страничка настолько сразу взвинтила планку, обрушила на меня такой объём *откровенной* информации, что впоследствии, ожидая не без основания прогресса, я зачастую вновь и вновь разочаровывался. Причём, как я тоже потом понял-разобрался, сайт этот с дурацким названием «Голая правда», был, в общем-то, препаршивеньким и состоял всего-навсего из одной странички без всяких гиперссылок: сначала шла фильмография Джулии на английском языке; а затем – две картинки, одна под другой. Вот в них-то и – суть.

Дело в том, что когда из-за нижней границы-края экрана начало выползать-появляться первое изображение (комп работал страшно медленно!), у меня сердце в каком-то томительно-сладостном предвкушении стало притискивать: распущенные прямые на этот раз волосы, знакомая джулиевская улыбка, какие-то экзотические серьги-подвески невероятной длины, открытые руки, плечи, шея... На ней – тёмная кофточка-майка, поясной фотоснимок сделан репортажно, на ходу, и вот на этом снимке, полном движения, экспрессии, отчётливо было видно-заметно, что под маечкой ничего более нет – бутоны сосков бесстыдно выпирали из-под паутины материи...

Господи, милостивый Боже, зачем, ну зачем наделил Ты меня воображением и фантазией! Я так въяве, я так совершенно зримо видел-представлял, как колышутся груди Джулии на ходу, я даже как бы явственно слышал нежный шорох, с каким острия сосцов её трутся-скользят изнутри по материи... Причём, вот что поразительно: я же видел отлично на телеэкране, особенно в «Красотке», что грудь у Джулии Робертс, скажем так, не из самых больших, ну максимум 2-й номер, а вот на снимке казалось-виделось, что груди именно – колышутся...

Был вечер, начало одиннадцатого. Жена сидела сзади и чуть наискосок, в нише, на диване, вязала очередную тряпку. Экран монитора она видела, могла видеть. Я пододвинул стул вправо, развернул, сел чуть боком, скособочился – прикрыл Джулию корпусом. Едва уравновесил дыхание и, утопив кнопку прокрутки, двинулся дальше. По положению бегунка я догадался, что должно быть ещё что-то – текст или картинка. «Хоть бы картинка! – молил я. – Хоть бы ещё фотография!...» Я мечтал-предчувствовал, что увижу нечто запредельное. И – не ошибся!

Впрочем, сначала вырвался из груди моей вздох разочарования: картинка выползала чёрно-белая. Но я тут же забыл об этом: уже по взгляду, какому-то грустно-печальному, по странному выражению знакомого лица (и тень стыда, и какой-то вызов), по непривычно сомкнутым – не улыбчивым – губам Джулии виделась-просчитывалась необычность этой фотографии. Я онемел: она стояла у какой-то стены боком, правым плечом вперёд, сложив руки за спиной, навалившись на них, повернув лицо к объективу – она смотрела своим печально-укоризненным взглядом прямо на меня, словно говоря этим взглядом что-то вроде: «Что ж...

смотри, если тебе и вправду это так важно...» Да, она была полностью обнажена. Впрочем, это опять был только поясной портрет, но мне и этого хватило с избытком – я ведь уверен был, я не сомневался, что дальше, потом, я найду и вовсе запредельно-откровенные её фотоизображения...

– Ты что там, порнуху в своём Интернете нашёл? Задышал, как паровоз! – вякнула Анна.
– Отстань! – рявкнул я и плотнее прикрыл телом Джулию.

Грудь её меня поразила. Если на предыдущем снимке мне мнилось-казалось, что они, груди, колышутся под тонкой материей маечки, то теперь я увидел-убедился – не могли они колыхаться: грудь Джулии (я видел только одну, правую) была небольшая, с тёмным выпуклым соском, оканчивающимся крупной ягодой – да простится мне такое пошло-избитое сравнение! Но это была именно ягода – ежевика: я прямо-таки почувствовал вкус её терпко-сладкий на губах своих. Я уже прикоснулся в воображении к груди Джулии, я уже робко целовал её вызывающе встопорщенный сосок, ощущая языком шероховатую *мягкую упругость* женского горячего тела... И самое поразительно, ведь я не любил такие соски, я терпеть не мог такие встопорщенные ярко выраженные большие соски-ягоды! Меня, в последнее время, когда наткался я на них в темноте губами или видел воочию, обнажив грудь моей Анны Иоанновны, чуть поташнивать не начинало, весь мой пыл-жар любовный от такой *крутой* женской груди пропадал... И вот, поди ж ты, здесь я всеми фибрами души *и тела* мгновенно понял-осознал: у Джулии может быть только такая грудь, именно с таким чудесным большим соском грудь, и от одного взгляда на эту грудь и на этот сосок я торчу-воспламеняюсь до не могу, словно подросток-гимназист неженатый или солдат-первогодок, истекающий в казарме по ночам избыточным семенем.

Прямо колдовство-наваждение какое-то!

Стыдно признаться, но я до того вскипел, до того возбуждился-нагрелся, что, презрев все и всяческие моральные устои и наплевав мысленно на законную сопящую за спиной на диване супругу, совсем уже собрался свернуть-прикрыть изображение на дисплее до иконки, пройти, прикрывая встопорщенные штаны, как-нибудь бочком в ванную и совершить там грех библейского Онана... Ну, в самом деле, не на Анну же было бросаться?!

Но тут случилось непредвиденное: модем вдруг пискнул-звякнул и контакт с Интернетом оборвался. Я невольно матюгнулся и, конечно, испугался – был ещё чайник чайником: всё, сейчас *моя* Джулия исчезнет! Но картинка продолжала, разумеется, светиться на экране. Я лихорадочно, трясушейся рукой, от чего стрелка мыши скакала ходуном, закликавал-сохранил сначала ссылку на страницу в папке «Избранное», а затем, для надёжности, и целиком всю веб-страницу в заранее подготовленной новой папке – «JULIA». О, я уже знал, с подсказки опять же Виталия Леонтьева, этого новоявленного Вергилия-проводника по кругам Интернет-ада, про чудесные графические программы и программы-вьюеры, с помощью которых я смогу рассмотреть-изучить изображение Джулии многократно увеличенным, со всеми подробностями...

И я рассматривал, я изучал, я вновь и вновь, бессчётное количество раз вызывал эту картинку-слайд из компьютерных глубин на поверхность экрана, каждый раз испытывая томительное сладостное напряжение во всём моём уставшем от одиночества и переполненном токами любви организме. Не находя потом в веб-пространстве больше ни одного даже близко похожего по степени обнажённости изображения Джулии, я этот, которому присвоил имя «Ню», не уставал смотреть-разглядывать. Конечно – уж не совсем же я пацан безусый был! – в глубине сознания своего я догадывался смутно, предполагал, что это вполне мог быть коллаж, что подлинным на фотографии являются только лицо Джулии и её королевские пышные волосы, но...

Ведь обмануть меня несложно – я сам обманываться рад!

Глик четвёртый

А новый мощный компьютер, Pentium (пентюх по-нашему), появился у меня уже вскоре. И появился совершенно дуриком, на халяву, чудом. Я воспринял это как знак-поощрение свыше, как новое и явное подталкивание Судьбы по этой склизкой наклонной дороге в виртуальный тоннель-колодец.

По пятницам, после ужина, для расслабухи, я люблю под пивко или чаёк с вареньем посмотреть какой-нибудь боевичок или триллер, а в этот вечер, как назло, по российскому каналу шёл футбол, к которому я патологически равнодушен. Пришлось переключаться на первую кнопку, лицезреть ужимки и прыжки нашего всероссийского шоу-шута дяди Лёни Якубовича, слушать его безграмотный, но порой действительно забавный трёп. И вот они там, в «Поле чудес», именно на этой передаче придумали хохму: предложили зрителям-лохам написать им письма со своими заветными желаниями и пообещали некоторых натурально осчастливить за просто за так – от широты душевной. Понятно, что за этой, якобы, широтой и, якобы, душевной проглядывали откровенно рекламно-алчные запросы отцов-хозяев дряхлеющей и теряющей рейтинг передачи (лично я уже года два её не смотрел), ну да чёрт с ними: а вдруг и подфартит? Впрочем, мне в лотереи никогда не везло, но случилось настроение минуты, *Кто-то* под локоток толкнул-торкнул, я взял лист бумаги, шариковой ручкой допотопно написал корявым почерком, хочу-желаю, мол, компьютер в подарок от дяди Лёни получить, подписался честь по чести: «Невезучий Николай такой-то», конверт запечатал, письмо на следующее утро отправил и – забыл о нём напрочь.

Ну, так легко представить себе мой обалдёж, когда месяца через полтора, в очередной передаче «Поля чудес» чудо действительно произошло-случилось: вынул-таки старый пердун⁵ мой запрос-билетик из вороха халявных заявок. Я прямо тут же в кресле и – как выразилась красотка Вивьен после просмотра оперы – чуть не описался. Правда, когда я получил свой нежданно-бесценный подарок, доставил домой из столицы с муками и нервотрёпками (это – тема для отдельного рассказа), смонтировал, осмотрел-ощупал – выяснилось, что это всего лишь Celeron, но, впрочем, с вполне прилично-мощным разогнанным процессором в 400 мегагерц, да и, повторюсь, дарёному компьютеру в кэш-память не смотрят.

Таким образом, у меня нарисовалась нежданная возможность до конца вооружиться-окомпьютериться, стать полноценным навороченным чайником. Анна моя Иоанновна, уж разумеется, на отставленную «четвёрку» свой приценочный глаз положила в момент: дескать, загоним-сплавим его да купим, наконец-то, ей приличные сапоги и настоящие перчатки, а если останутся гроши, то, уж так и быть, приобретём и мне какую-никакую куртчонку, а то со мною рядом по улице уже и ходить стыдно. Я сложил неинтеллигентно аккуратную фигу и подсунул моей благоверной под её курносый нос и раз, и другой: вот тебе, милая, сапоги, а вот тебе и перчатки! Ты прежние четыре пар сапог и пять пар перчаток не знаешь, куда складывать-складировать – вся квартира забита вещьём-шмутьём, два встроенных шкафа и один полированный необъятный шифоньер брежневской эпохи трещат-ломаются от содержимого.

Но и это ещё не всё. Братан её как услышал-узнал про мой выигрыш новенького Пентиума, тут же прискакал на своём мустанге «Чероки», взялся толсто намекать насчёт того, что хотел бы свой комп теперь назад забрать... Еле-еле отбился, спровадил делавара нахрапистого. С дальнейшей судьбой 486-го всё у меня уже было продумано-просчитано: он должен был в процессе торгашеско-обменной операции трансформироваться в недостающие компоненты моего компьютерного благополучия.

⁵ Прошу прощения за моего «соавтора». Я не стёр это грубоватое словцо лишь потому, что уж очень оно метко-образно и не затёрто. Впрочем, Николай мог бы к Якубовичу быть и поласковее: как ни верти, а – благодетель.

Терпеть не могу торгашей! Я их на нюх не выношу, этих наглых вонючих торговцев! Но не Анну же просить и, тем более, не братцу её Вовану доверять было судьбу *продажную* моего бедного маломощного компа с камешком в 80 мегагерц и винтом-винчестером всего-навсего в 410 мегабайт. Хотя я знал-предчувствовал: продавца-охотника на такую машину найти труднѐхонько – это должен был быть чайник из чайников с большим и звонким свистком.

Но мне повезло-подфартило – только лишь я на работе, в издательстве у себя, заикнулся в разговоре, что имею на продажу компьютер-«четвёрку», тут же ко мне подскочил наш *механик по машинам* Иван Валентинович: беру! Я поначалу замялся, хотел ведь подороже сбавить, но быстро уравнился: во-первых, Иван Валентинович своего-то как раз не объегорит, во-вторых, если даже мой бывший компьютер у него и закапризничает, уж он-то меня терзать не станет, сам справиться, ну и, в-третьих, если мы оба сделкой останемся довольны, то ведь он мне и с новым моим аппаратом много чего помочь-посоветовать может...

– Сколько просите? – спросил Иван Валентинович.

– Сколько дадите, – замялся я, а ведь хотел просить-требовать вымечтанную сумму в семь с половиной тысяч рубликов: как раз тютелька в тютельку на все вожделенные недостающие до комплекта *железяки*.

Иван Валентинович приехал к нам домой, подавил батоны муси, постучал в досталь по кейборде, тщательно всё протестировал «чекистом» (специально диск с программой для этого принёс), затем снял кожух компа и все внутренности пыльные осмотрел-обнюхал, после чего вынес вердикт:

– Восемь тысяч.

– Согласен!!! – вскрикнул я.

И уже после того, как мы упаковали комп и монитор в коробки из-под моего нового Пентиума, после того, как Иван Валентинович осмотрел-ощупал-опробовал, одобрительно цокая языком, и моего Пентюшу, и мы обмывали на кухне удачную сделку свежемолотым кофе (Иван Валентинович – упёртый трезвенник), я не утерпел и ляпнул от избытка чувств:

– А я бы и за семь с половиной отдал!

На что всегда уравновешенный, невозмутимый Иван Валентинович от души всхохотнул и совершенно по сценарию «Красотки» с интонацией Ричарда Гира успокоил:

– А я бы и восемь с половиной дал!..

Через неделю беготни по салонам и лавочкам (уж, само собой, *родимый* «Хакер» с его хакерско-бандитскими ценами я за милю обегал) мой компьютерный уголок-оазис в доме пополнился-доукомплектовался полностью. А приобрёл я перво-наперво приличный матричный принтер «Epson LQ-100+» с 24-мя иголочками. Принтер мне потом много помог в моём главном деле. Уж какие там частные заказчики! Не главное заказчики-то, главное, что в последствии имел возможность все *нужные* материалы из Сети распечатывать, дабы без помех и не спеша изучать-перечитывать...

Отхватил я и весьма шустрый сканер «Mustek-6000 SP» с внутренней платой, чтобы *нужные* мне фотографии и статьи из журналов-газет вгонять в компьютер, пополнять досье Джулии. Разорился и на скромную звуковую карту «Yamaha-719» вкуче с простенькими колонками «Maxtro SPK202» – а я и не собирался музыкальные диски-блины слушать, я собирался-мечтал найти и услышать в бездонном эфире-космосе Internet'a смех Джулии. Прикупил для чего-то – это уж совсем баловство! – скромненький микрофончик за 75 рэ, китайской штамповки... Впрочем, почти всё железо было китайско-малайзийского производства, ну да мне, конечно, не до форсу – на Японию с Южной Кореей, а тем более «белую сборку» я бы не потянул. А так у меня ещё даже осталось грошей-финансов на 10-часовую карту выхода в Интернет. Но вот что самое паскудное: именно за три дня до покупки этой самой Интернет-карты цена подскочила на них ровнѐхонько в два раза – вместо 13 рублей за час, наша сука-монополистка *хренова* «Электросвязь» начала драть уже по 26 целковых за час Интернета. Без малого – бакс-доллар!

И почему бы мне было не купить сразу, в первые же дни после сделки с Иваном Валентиновичем, пять-шесть карт про запас?!.. Впрочем, за этими капиталистами-монополистами разве ж угонишься – что хотят, то и воруют!..

Пидоры вонючие!

Но вскоре вопрос с пропуском-визой в веб-страну счастливо разрешился. Да иначе и быть не могло, я и не сомневался, что *Некто* и дальше станет мне помогать в *этом*. И вот тот же Иван Валентинович как-то, к разговору, спросил-поинтересовался: мол, нравится ли мне мой провайдер?

– Вы же знаете: провайдер у меня, как и у всех в нашем Богом забытом Баранове, один и зовут его «Электросвязь», а кликуха – Грабитель Вонючий! – ответил я.

– Николай, да вы прямо поэт, ей-Богу, в смысле – над землёй витаєте. В Техническом университете есть же свой мощный сервер, и они не только своим студентам и аспирантам льготный доступ в Интернет обеспечивают, но и нашим. Найдите какого-нибудь допотопного студента без компьютера, зарегистрируйте на него свой Пентиум, будете ему двадцаточку за хлопоты приплачивать... Ба, – вдруг вспомнил Иван Валентинович, – да у вас же супруга – сама аспирантка...

Вот то-то и оно! Я, конечно же, и сам об Анне сразу вспомнил-подумал, но мне тут же по сердцу как бы царапнуло: ох как не хотелось, чтобы именно она, моя Анна Иоанновна, к *этой* имела касательство. Это, что же, ей я буду в какой-то мере обязан за мои свидания с Джулией?.. Но, с другой стороны, я, кровь из носу, должен хотя бы 10 часов в месяц для этих свиданий иметь, а при моей зарплате в 630 рублей если я буду выделять-отстёгивать на это 260 – моя же Анна Иоанновна меня загрызёт или, того хуже, сама удавится. Так что придётся свою совесть и мужеску гордость-гордыню ущемлять и звать в соучастники своего супружеского преступления свою же собственную супругу.

Когда я Анне всё растолковал-объяснил на пальцах и с помощью калькулятора, она, разумеется, ни полсловечка против – тут же побежала в БГТУ, договор подписала, заплатила всего-навсего 120 целковых и получила бумажку с номерами телефонов и логином-паролем, которые давали возможность гулять в веб-диснейленде аж 24 часа в месяц – полные сутки! Вот уже теперь-то я развернусь, теперь-то уж попутешествую всласть по всем углам-закоулочкам Всемирной паутины – пора, наконец, и сетевую литературу «полистать», всякие интернет-журналы да библиотеки просмотреть...

(Забегая вперёд, скажу, что много позже я случайно узнал: оказывается, не только студентам-аспирантам, но и преподавателям, и вообще всем сотрудникам всех школ, колледжей, вузов города сервер Барановского технического госуниверситета без проблем давал льготный выход в Веб-пространство – вот уж я локти кусал от обиды-злости за свою лопухость и деловое невежество.)

Но тут опять во весь свой безобразный рост встала одна заковыристая проблема, которую мы с женой всё никак не могли разрешить-снять. Дело в том, что первый компьютер дарился Вованом как бы нам обоим – к юбилею супружеской жизни. И подразумевалось, как я уже упоминал, что стучать мы по клавишам и гонять мышь по мышкодрому будем по очереди, каждый для своей нужды-заботы. Но как-то так получилось, что Анна так ни разу толком и не поработала на «четвёрке», так и не научилась самостоятельно включать его и запускать программы. А уж о выходе в Интернет и речи быть не могло: я ей только издали чуть показал краешек этой виртуальной чудесной страны и опять напрочь отгеснил её от экрана. Впрочем, и сама Анна была как-то равнодушна к компьютеру, для неё он доподлинно был-представлялся всего лишь пишущей машинкой, а время глобального набора текста в её диссертационной судьбе ещё не наступило.

Когда появился-обрушился с неба Pentium, у меня мелькала интересная мыслишка-задумка: оставить четвёрку в доме и закрепить её за женой – чтобы к моему «Пете»

даже и на километр подходить не смела. Однако ж мечты о модеме и принтере надо было реализовывать-внедрять, да и в однокомнатной квартире два компьютера – это, конечно, полный радиационный нонсенс. От нового компьютера я пока тотально отгонял Анну на том основании, что-де машина проходит обкатку – надо потерпеть.

И вот пришла моя Анна Иоанновна из Технического универа с логином в кармане на дешёвый вход в Сеть и с порога мне объявила: всё, дорогой и разъединственный, пока мне гарантии на доступ к компьютеру не дашь – никакого пароля не получишь. Наша «буря в пустыне», в отличие от американо-иракской, бушевала-гремела всего часа два, но по накалу была не слабже – отнюдь. Анна сдалась, когда я несколько раз повторил-вбил в неразумные её куричьи мозги следующие весьма простые сведения:

– Пойми же, наконец, я могу без проблем разделить винчестер на два диска, у тебя будет свой персональный жёсткий диск в два гигабайта, будет работать свой отдельный Windows, свой Word и вообще будет как бы свой отдельный компьютер... Ты этого хочешь? Но тогда, дорогая и разъединственная, тебе самой придётся контролировать работу антивируса и каждую неделю обновлять его базы, тебе регулярно самой надо будет запускать Norton Utilities – сканировать и дефрагментировать диск, чистить реестр, очищать Recycle Bin... Сама ты, милочка, будешь настраивать свой браузер Explorer и e-mail Outlook Express, свою ICQ... Я уж не говорю, что сама будешь устанавливать на свой комп и самостоятельно осваивать Fine Reader, Adobe Photoshop и прочие PageMaker'ы... Ты этого хочешь? Этого?!

Анна Иоанновна, как выяснилось, этого не хотела – а когда ж тогда вязать свитера-кофты? Она отлично видела, как я горблюсь за дисплеем часами и вываливаюсь-выныриваю из виртуального мира с выпученными по-рачьи и красными, да что там красными, – бордовыми глазами, словно обкурился марихуаны по самый мозжечок. Пришли, в конце концов, к следующему пакту-соглашению: Анна будет подходить-приближаться к компьютеру строго с моего разрешения и под моим руководством, да и то, в основном, для настукивания текстов, на винте для неё специально будет заготовлена-сделана папка персональная, без меня же ни в коем случае и ни под каким предлогом машину не включать, даже если припрётся братан-шурин и потребует это сделать...

Я, впрочем, на всякий пожарный перекрыл вход в своё *окно*⁶ и запечатал виртуальный почтовый ящик надёжным кодом-паролем – «jurob».

Джуроб!

⁶ Windows (англ.) – окна.

Глик пятый

Звучало как заклинание.

Да, это волшебное изобретённое мною слово «джуроб», словно сказочно-алладинское «сим-сим», открывало мне вход в пещеру...

Нет, неправильное, тривиальное сравнение! Наоборот, этот логин-ключ открывал мне выход из тесной пещеры земного обыденного бытия в космический мир виртуальной свободы и неземного счастья. Мир, где была Джулия, Джулия, Джулия! И теперь на целых 24 часа в месяц! А времени для походов-путешествий требовалось о-го-го сколько. Что там «Апорт»? Когда я вызвал на смену ещё более мощную поисковую машину «Rambler», то выяснилось, что мне надо посетить ровнёхонько 2063 сайта, где меня ожидает *она*. Правда, вскоре я увидел, что большинство из первых двухсот страниц – кинорецензии, повторение в разных вариациях краткой биографии, примитивные сплетни соседско-кухонного пошиба, одни и те же фотоснимки, в основном – кадры из фильмов, реклама видеокассет и прочее в том же духе. А дальше пошла сплошняком и вовсе халтура – повтор ссылки на один и тот же адрес какого-то вонючего сайта «Хохма.ру» – чтоб его топ-лист застрял на одной цифре!

Когда я профильтровал-изучил большинство сайтов, содержащих хотя бы маломальскую информацию о Джулии, тщательно отсеял шелуху и повторы, то в результате составил-скомпановал внутри папки «JULIA» файл под названием «dosje». Сейчас это выглядит так:

ДОСЬЕ

Имя: Джули Фиона Робертс /Julie Fiona Roberts/ (имя Джулия взяла, начав сниматься в кино).

Дата рождения: 28 октября 1967 г. (Скорпион).

Место рождения: г. Смирна, штат Джорджия, США.

Родители: Бетти Моутс (работала секретарём в церкви), Уолтер Робертс (продавец пылесосов, умер в марте 1978 г. от рака); и мать, и отец страстно любили театр, были самодельными актёрами.

Родные: брат Эрик (актёр), сестра Лиза, двоюродная сестра Нэнси.

Внешние данные: рост – 175 см, вес – 53 кг, глаза карие, волосы от природы светлые (во что верится с трудом!), но чаще – рыжие, левша.

Хобби: вязание (ха-ха!), кулинария, чтение, сочинение стихов, благотворительность.

Недвижимость: квартира в Нью-Йорке, дом в Лос-Анджелесе, ранчо в 50 акров земли в Нью-Мексико.

Домашние животные: собака Диего – помесь немецкой овчарки с лайкой. (По другим сведениям – семь собак и шесть лошадей.)

Мужики: *бывший муж* певец и композитор Лайл Ловетт; *женихи:* актёры Дилан Макдермотт, Кифер Сазерленд, Джейсон Патрик, голливудский спортивный тренер Пэт (Паскуаль) Маноччия, Бенджамин Брэтт; *просто бой-френды:* Лиам Ниссон, Ричард Гир, Дэниэл Дэй-Льюис, Шон Пенн, Итон Хоук, Мэтью Перри, Росс Партридж; *под вопросом:* Хью Грант, Мэл Гибсон...

Родители разошлись, когда Джулии было 4 года. Она осталась с матерью, отец с Эриком переехали в Атланту.

В детстве Джулия мечтала стать ветеринаром, но после школы взялась было изучать журналистику в университете Атланты (впоследствии сама она говорила, что факт этот выдумала

для придания солидности биографии), однако ж потом вслед за братом Эриком и сестрой Лизой уехала в Нью-Йорк. Там поначалу работала продавщицей в магазине спортивной обуви (или в модельном агентстве), посещала актёрские курсы, но не закончила.

В 1986 году (ей – 18) Эрик, уже снявшийся более чем в 40 фильмах (в том числе – в «Поезде-беглеце» Андрона Кончаловского), помог получить Джулии первую маленькую роль в фильме «Алая кровь», который вышел на экраны только в 1988-м. Фактически дебютом актрисы стала эпизодическая роль в сериале «Криминальные истории» (1986).

Первая значительная роль: 1988 год – красавица-португалка Дейзи в картине «Мистическая пицца». Ещё большей удачей в её кинобиографии стала роль в ленте «Стальные магнолии» (1989). Но подлинный триумф — образ юной проститутки Вивьен, созданный Джулией в фильме «Красотка» – 1990 год.

С тех пор снялась ещё в 25 фильмах, из которых самые удачные:

- «Коматозники» (1990),
- «В постели с врагом» (1991),
- «Дело о пеликанах» (1993),
- «Есть о чём поговорить» (1995),
- «Свадьба моего лучшего друга» (1997),
- «Мачеха» (1997),
- «Ноттинг Хилл» (1999),
- «Сбежавшая невеста» (1999),
- «Эрин Брокович» (2000).

Награды: четыре «Золотых глобуса» (премия американской кинокритики) за роли в фильмах «Стальные магнолии», «Красотка», «Свадьба моего лучшего друга», «Эрин Брокович». На «Оскар» выдвигалась трижды и наконец получила его за роль Эрин Брокович.

Но главная награда – любовь-поклонение сотен миллионов зрителей во всём мире и, соответственно, рекордная ставка гонорара среди актрис Голливуда: за роль в фильме «Эрин Брокович» – 20 миллионов долларов!

Фразы-фразочки из журналистских опусов о Джулии:

- эта рыжеволосая девушка с улыбкой до ушей...
- её амплуа – эдакие симпатичные, сообразительные и весёлые хохотушки...
- её любовниками становились многие актёры – партнёры по съёмочной площадке...
- предметом гордости Джулии является то, что с большинством своих прежних любовников она не разругалась и поддерживает дружеские отношения...
- известная своим непостоянством актриса...
- она совершенно непредсказуема, взбалмошна, иногда легкомысленна и всегда готова на короткие романы...
- Робертс часто называют недоступной, хотя, по её собственному признанию, купить её можно за один доллар – главное, чтобы ей самой захотелось продаться...
- она заводит друзей во время утренней пробежки в парке и может пригласить на ужин человека, с которым познакомилась за пять минут до этого, выгуливая собаку...
- о её характере ходят легенды, но она обижается на журналистов, которые называют её стервой...
- у неё самый большой в Голливуде рот, самые длинные волосы, самые длинные ноги, самое большое обаяние...
- никто не сомневается, что Джулия Робертс – самая яркая, самая популярная, самая блистательная и самая красивая звезда Голливуда...
- лучше Джулии Робертс никто не сыграл бы (в «Ноттинг Хилл») самую недостижимую и взбалмошную кинозвезду в мире...
- Робертс никогда в жизни не позировала голой...

- её считают серийной разбивательницей сердец...
- она заводит романы со всеми партнёрами по работе, независимо от их внешности и возраста...
- у неё своеобразный неуправляемый смех, который кто-то сравнил с хохотом гиены...
- когда она входит в комнату с улыбкой, такое впечатление, будто включается свет, а когда уходит – снова выключается...
- Джулия, похоже, так и не научилась до конца различать кино и жизнь...
- есть только две актрисы, которые могут привлечь толпы зрителей в кинотеатры одним своим именем – Джулия Робертс и Барбра Стрейзанд...
- её называют новой Одри Хепбёрн, как и Хепбёрн, Робертс обладает нетипичной для Голливуда красотой...
- её героиня – это оленёнок Бэмби, заблудившийся в дебрях большого города... («Красотка»)
- сама Джулия, при всей своей простодушной открытости, упорно избегает разговоров о превратностях личной жизни...
- Сазерленд назвал её «ледяной принцессой», намекая на её сексуальную холодность и неспособность любить...
- длинноногая, громогласно хохочущая сирена возвращена нации... (после фильма «Свадьба моего лучшего друга»)
- Джулия наивно-сентиментальна: если по телевизору показывают детей-сирот, она тут же хватается ручку и записывает, куда переводить деньги...
- она до сих пор тепло отзывалась о бывшем муже Лайле Ловетте и всячески превозносит его таланты: «Я люблю его глубоко и трепетно», «Он один из самых гениальных поэтов нашего времени», «Не могу представить, что его нет в моей жизни»...
- если с прессой она агрессивна-настороженна, то с друзьями – полная противоположность: они в один голос твердят, какая она милая, добрая и какое у неё чувство юмора...
- хотя Джулии удалось покорить вершину под названием Голливуд, она так и не стала актрисой привычного голливудского типа...
- она – королева подтекста...
- её уязвимость и доступность – вот что привлекает к ней и отличает её от остальных красивых женщин...
- она обладает особой озорной привлекательностью...
- худая, почти как тростинка, с длинными ногами и шапкой вьющихся волос, Джулия скорее несуразна, чем элегантна...
- её большие карие глаза и большой рот обладают возможностью передавать даже самые незначительные эмоции на экране...
- ни один мужчина не может устоять перед такой фантастически красивой женщиной...
- от Джулии исходит такое обаяние, такая магия, что невозможно отвести глаза. Господи, а ещё когда она улыбается!..

Я вывел эти три странички на принтер, вычитал, поправил ошибки-опечатки, ещё раз – уже набело, на офсетной бумаге – распечатал, скрепил-сброшюровал степлером и спрятал в папочку, на обложке которой значилось всё то же – «JULIA ROBERTS». Мне жутко нравилось писать, рисовать, читать, произносить это имя – по-английски, по-русски и ещё чёрт знает по-каковски! Julia Roberts... Джулия Робертс...

Джу-ли-я!..

Глик шестой

Папочка, конечно, – смешно.

В этом я в папочку – как уж тут не скаламбурить. В этом я в папашу, в папахенцию. Папеч мой – ужасный поросёнок. Он просто-напросто скотина – мой фатер. Он взял и бросил нас с матерью, едва-едва мне стукнуло пятнадцать. Да, Джулию её предок в четыре года бросил, а меня мой – в пятнадцать. Только-только самое время подошло-подпёрло, когда собрался я начать с ним обсуждать назревшие прыщами проблемы – ну, там про поллюции, презервативы, онанизм, похмелье и прочие подобные штуковины, которые лучше всего с отцом и обсуждать, если он тебе хороший друг-приятель, – как вдруг мой предок сначала к некоей Соне Ельцер переехал-сбежал, а потом с ней вместе и вовсе – за океан, в Америку. Променил нас с мамой на пархатую жидовку⁷ и вонючую забугорную жизнь!

Но, как бы там ни было, а сперматозоид свой папаша на меня в своё время выделил-отдал, гены свои во мне по наследству запрограммировал, вот отсюда и – папочка с картинками-вырезками. Однажды, уже перед моей женитьбой, мы с матерью затеяли обмен нашей двухкомнатной квартиры (Вера Павловна наотрез отказалась с нами жить, несмотря на вполне ровные отношения с Анной), вот тогда я и обнаружил на антресолях старый чемоданишко, чуть ли не фибровый. Оказалось, с этим чемоданом в доисторические ещё времена мои предки и прикатили в Баранов после Московского университета: они вместе учились на филфаке, там же и поженились, там и народили меня на втором курсе. Ну и вот, фатер так поспешно убежал от нас, что бросил весь свой священный архив, который хранил в этом своём студенческом чемоданишке – три альбома с фотографиями, исписанные тетради, дипломная работа в кустарном переплёте, связка писем и, в том числе, потрёпанная папка с крупной надписью на титуле: «АЛЛА ПУГАЧЁВА»...

Бог мой, чего только в этой пухлой папке не было! Папаша мой, как юнец мокрогубый, собирал-хранил вырезки из журналов и газет, концертные билеты и программки, афиши и машинописные копии своих рецензий-отзывов о концертах... Он эти свои письма-рецензии, видимо, рассылал по газетам-журналам, по крайней мере, один ответ – из «Советского экрана» – я в папке обнаружил:

Уважаемый тов. Николаев!

Большое спасибо за внимание к нашему журналу.

Должна выразить Вам и благодарность за столь серьёзное и откровенное письмо. Мне показалось, что вы поняли главное: фильм вызвал бурю восторгов именно из-за появления на экране Аллы Пугачёвой. И действительно, на фильм можно ходить десятки раз только для того, чтобы услышать певицу, но не более того. Фильм пуст. И на самом деле, уж лучше бы вставили ещё 5-6 номеров музыкальных, чем несколько ничего не значащих диалогов.

Желаю Вам успехов в личной жизни и в учёбе.

С уважением

Ст. литсотрудник отдела советского кино Ю. Павлёнок.

Чуть прокомментирую: во-первых, фамилию я сейчас ношу материну, поэтому папашину открываю-выдаю⁸; во-вторых, речь идёт, конечно, о картине «Женщина, которая поёт», –

⁷ Конечно, подобные выражения можно было бы и убрать, но уж больно ярко характеризуют они этого совершеннейшего ещё мальчика: если б отец его сбежал с негритянкой, он бы, вероятно, частенько поминал про «нигеров» и прикидывался расистом...

⁸ Ха, секрет Полишинеля! В конце своих записок автор и фамилию матери не раз упомянет.

она наделала, я знаю, в своё время шуму-грому; в-третьих, в папке обнаружилось четырнадцать использованных билетов в различные московские кинотеатры, и все они, я думаю, были именно на этот фильм; в-пятых, как вам это уморительное пожелание успехов «в личной жизни» человеку, который имеет уже жену и ребёнка, а сам бегаёт четырнадцать раз на один и тот же дурацкий фильм, дабы увидеть свою обожаемую певицу; ну и, наконец, можно только представить себе, с каким восторгом «тов. Николаев» носился жеребцом по этажам студенческого общежития и хвастался приятелям ответом из «Советского экрана». Мне матушка рассказывала, что у них там, в общежитии, целое сообщество было, нечто вроде клуба поклонников Аллы Пугачёвой – одни парни, разумеется: собирались вместе и маг с её песнями часами крутили-слушали, фотками певицы обменивались, за билетами на её концерты по очереди ночами стояли-выстаивали...

Однажды, рассказывала со смешком матушка, в их семейную комнату общежитскую в три ночи начал ломиться один из этих чокнутых «алламанов» и в голос вопить сквозь пьяные слёзы: «Сашка, вставай! Вставай! Алла погибла!..» Наш Николаев вскочил как чокнутый, впустил собрата-сектанта и тот, буквально рыдая, заглушая своим воем мой писк (а мне было всего года полтора, и я, разумеется, от пьяного гвалта проснулся), поведал жуткую историю, как их обожаемая Алла загоняла поздно вечером машину в гараж, от усталости или с перепою задавила свою дочку Кристину, придерживающую, якобы, гаражные двери, и тут же сама в гараже от горя повесилась на капроновом автомобильном тросике голубого цвета... Одним словом, там такие жуткие подробности были, даже мать моя поверила и вместе с этими двумя дураками, забыв про меня, поплакала...

Да что там говорить, Алла и в самом деле всенародной любимицей тогда была. Но чтобы влюбиться в неё как в женщину... Вот мне что непонятно! Я на неё смотрю по ящику и оторопь берёт. Нет, как певица она вполне ещё ничего – все эти Долины, Аллегровы, Вайкули и прочие Понаровские, не говоря уж о более молодых, вроде Хлебниковых-Варум, ей и в подмётки домашних её шлёпанцев не годятся. Недавно вон выдала «Мадам Брошкину» и – опять на коне. Но чтобы влюбиться в Аллу Борисовну страстно как в женщину... Даже Филя-попрыгунчик, муж-супруг её так называемый, и то уже страсть к ней изображать не в силах – выдохся. Потому что Алла Пугачёва, при всём её несомненном певческом таланте, – обыкновенная земная баба. Ну не богиня она, не Венера, не небожительница – вот в чём закавыка-то! Я бы сильнее папашу своего понял, если бы он в Мирей Матьё безумно влюбился или, допустим, совсем *охренел* и – в Одри Хепбёрн. Вот за Одри я бы многое моему сбежавшему фатеру простил.

И ещё о предке моём – чтоб уж кончить. Что он на матери моей женился – это я понимаю. Отлично понимаю. Встретились два провинциала-студиозуса в чужом им огромном столичном городе, рядышком на лекциях сидели, плечами беспрестанно соприкасались, про любимое «Слово о полку Игореве» взапрос вместе слушали, в общежитии друг от друга ни минуты отдохнуть не могли, да и не хотели – вот и сошлись-спарились, придумали, что жить друг без дружки теперь, наверное, не смогут. А тут ещё я в организме матери вдруг объявился-завёлся невесть как бы откуда – до презервативов ли в минуты безумно-бездумной студенческой любви-страсти?..

Понимаю я, в какой-то мере, и жидовку Соню, ну, что он тогда к ней и с ней сбежал. Во-первых, еврейки вообще, говорят, женщины обжигающие и с ума свихнуть любого мужика при желании могут. Сам не пробовал, не знаю, но от них и правда какое-то томительно-возбуждающее излучение исходит, на уровне запаха, что ли, а может, флюидов – в нашем университете этих рахилей пруд пруди. Бывает, стоишь с ней, разговариваешь – по делу, о серьёзном, – в глаза масляные смотришь, а чуть ниже пупка ни с того ни с сего щекотание вдруг начинается и лёгкий озноб вдоль позвоночника... А, не дай Боже православный, если рука её к твоей прикоснётся случайно или грудь её почувствуешь, когда Рахиль эта (в миру Людмила, Татьяна, в крайнем случае – та же Софья или Роза) потянется через плечо твоё что-то в рукописи

своей диссертации или методички о русской литературе показать-уточнить... А во-вторых, мой Николаев мало того, что из вонючей нашей расейской нищеты вырвался, живёт теперь в той зажравшейся Америке, он же теперь вполне может и своими глазами видеть-лицезреть при случае Джулию Робертс, ибо живёт-обитает в том самом мегаполисе Нью-Йорке, который, по интернетовским слухам, так обожает моя Джулия... Впрочем, вот именно, Джулия-то *моя*, так что при чём здесь папаша? Ему Нью-Йорк, скорей всего, и без неё хорош...

Я всё это предку моему могу простить, потому что понимаю. Но вот одного понять я долго не мог: неужто он никогда не мечтал о настоящей, о головокружительной любви? Я это понять не мог, пока не откопал в его вонючем фибровом архиве тетрадь с воспоминательной армейской повестью. Он успел до универа отслужить в нашей доблестной Советской Армии. Причём, в самых геройских войсках – стройбате. Но суть не в этом. Там, в повести, которая так и называется «Стройбат» (тоже мне – Сергей Каледин зачуханный!), разумеется, вся эта мура уже навязшая в зубах про дедовщину, явное подражание прёт под Достоевского с его «Мёртвым домом» и под Помяловского, уж я-то «Очерки бурсы» читал, как-никак – филолог...

Впрочем, стоп! Чего это я слюной разбрызгался? Если по правде, то повесть «Стройбат» моего Николаева сто очков вперёд тому же графоману Каледину даст. Причём, судя по дате на последней странице – 1980 г. – отец написал свою вещь намного раньше этого конъюнктурщика «новомировского», да вот нигде не опубликовал. Мой старик вообще мог бы стать неплохим писателем, если бы попробивнее, *поевреистее* был. Я ещё когда в школе учился, помню, читал его рассказы в областной газете и не мог ни к чему придраться – нравились мне его рассказы. В чемодане почему-то вырезок не оказалось, а то бы я перечитал. Я даже мать потревожил вопросом, мол, не сохранились ли у неё где вырезки с рассказами отца? Вера Павловна моя от томика Бунина оторвалась, сквозь клуб сигаретного дыма на меня удивлённо глянула (почти всю нищенскую свою зарплату на «Честерфилд» тратит!) и высокомерно пояснила-напомнила, дескать, прозаические опусы Николаева её абсолютно не интересуют... Про повесть «Стройбат» я и спрашивать не стал: если и читала – и под пытками не сознается. Написана-закончена рукопись, судя по дате, была в Баранове, мне уже пять лет сравнялось, институт брака и семьи Николаевых трещал, видимо, по всем швам, вот и потянуло отца на *такие* воспоминания.

Хотя, что там рассусоливать: приведу отрывок-рассказ о первой любви из повести моего отца Александра Николаева «Стройбат» полностью и выделю для этого отдельный – следующий – глик.

Право, рассказ того стоит.

Глик седьмой

НЕУСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(Фрагмент повести «Стройбат»)

Случилось это внезапно.

До этого, уж разумеется, наслушался я в казарме бессчётное количество историй о том, как прыткие удалые солдатики прыгают в супружеские постели своих командиров. Весёлые истории, но – фантастические.

К примеру, в нашей 5-й роте командиром был капитан Хоменко – сам человек страшный (и характером, и рожей), деспот, и супружницу имел соответствующую: уже старую, страхолюдную, солдафонского типа – ну прямо капрал в юбке! У замполита роты лейтенанта Демьянова жена была помоложе и помиловиднее, но уж очень необъятных размеров, бочка бочкой, и работала у него на глазах, под приглядом, заведовала полковой почтой, так что если кому из сапёров или сержантов и строила глазки, то, скорей всего, чисто платонически. Зампотех лейтенант Кошкин и старшина роты прапорщик Селезнёв были ещё сами холостыми, а взводами в строительных войсках командуют и вовсе, как известно, сержанты.

Вот и поди разыщи при таких постных обстоятельствах командирско-офицерскую жену для блуда!..

Я уже дослуживал своё, числился в стариках, грезил о скором – месяца через три – дембеле и мечтал, конечно, о любви, но уже о любви, так сказать, настоящей – на воле, на гражданке. Почти за два года службы у меня было три *любовных связи* по переписке, с заочницами, да как раз в эти последние жаркие дни уходящего лета происходило непонятно что с Любой, мастером городского жилищно-эксплуатационного управления (ЖЭУ), где я работал-служил дежурным сантехником-аварийщиком. Люба была замужем, имела 3-летнего сынишку, была вполне симпатична, но не более, и как-то так произошло-случилось, что мы с ней сначала принялись горячо болтать-общаться на работе, а потом однажды, когда никого в комнате мастеров больше не было, во время обеденного перерыва, мы в пылу жаркой беседы так сблизились лицами, что вдруг взяли и поцеловались. Ну и – началось...

Муж Любы часто уезжал в командировки (ну никак без анекдота не обойтись, вся жизнь – сплошной анекдот!), сына ей удавалось сплавить к свекрови под предлогом, что допоздна задержится на работе, и мы без помех могли, как принято выражаться ныне, заниматься любовью. Вот именно – заниматься! Не было, по крайней мере у меня, ни особого жара-пыла, ни головокружения, ни восторга до обморока. Закрывались в квартире, наспех выпивали по стакану вина для снятия напряжения, торопливо раздевались, повернувшись друг к другу спинами, залезали под одеяло и... трахались.

Да, другого слова не подберёшь!

Впрочем, Люба, судя по всему, воспринимала это более чем серьёзно, даже речи заводила о своём разводе, о том, что поедет за мной после дембеля хоть на край света... Так что я мучительно придумывал, как бы завязать со всем этим. Во-первых, перспектива увода Любы с её сопливым пупсом от их экспедитора мне вовсе не улыбалась, а во-вторых, если во время оргазма не теряешь сознания – для чего же тогда трахаться? Но – проклятый характер! – я всё

тянул, всё оттягивал окончательное объяснение с Любой. Был бы я вольный – взял бы даже, да и ушёл-уволился из ЖЭУ и постарался с ней в городе не встречаться, а тут...

В своей части я был помимо комсорга роты ещё и редактором полковой радиогазеты. Два раза в неделю я собирал-клепал очередной выпуск – всякие отчёты с полковых и ротных собраний, зарисовки-очерки о доблестных военных строителях и прочее в том же духе, оформлял всё это на бумаге и, перед тем как зачитать тексты в микрофон, визировал их у замполита части подполковника Кротких. Так сказать, – цензура на высшем уровне. Подполковник был – человек. Я при входе, конечно, каждый раз паясничал по уставу – честь отдавал, приступал к докладу торжественному: мол, редактор полковой радиогазеты сержант Николаев прибыл для!.. На этом месте Александр Фёдорович меня обыкновенно прерывал шутливым ворчаньем: – Ладно, ладно... Давай, Саша, ближе к делу!

В этот августовский солнечный полдень я стучался в кабинет к замполиту вообще с особым настроением. Дело в том, что за неделю до того в каптёрке нашей роты появилось десять комплектов невиданной доселе повседневной формы – настоящие галифе и гимнастёрки образца 1949, что ли, года. Где-то на складах пролежала эта обмундировка более двух десятков лет, надёжно укрытая, не выцветшая, сочного табачного цвета, и вот теперь её какой-то интендант обнаружил и решил использовать по назначению. Военская казарма по части веяний моды и ажиотажа вследствие этого любому пансиону благородных девиц фору дать может. А так как при уставном единообразии формы фантазия модников весьма ограничена в средствах, то усилия их направлены в основном на покррой и фурнитуру. К примеру, кто-то первым в казарме придумал вместо брезентового ремня поддерживать штанцы подтяжками – вскоре все подтяжки не только в гарнизонном магазинчике, но и в городском универмаге исчезли-кончились. С этими подтяжками боролись отцы-командиры, старшины, патрульные гансы, но самые блатные модники армейские упорно щеголяли в подтяжках и на смену отобранным непременно доставали новые. Были модные штучки и менее разорительные (например, жёсткие – из фибры, картона, а то и жести – вставки в погоны), были сверхобременительные, под силу только самым блатным и хватким (к примеру, форма «пэша», из полушерстяной ткани, которая выдавалась только прапорщикам и старшинам, но оказывалась порой на плечах иных сержантов и даже рядовых «дедов»). Так вот, а тут появилась такая отличная возможность – вполне легально щегольнуть необычной формой, стать ротным законодателем моды. Естественно, десять комплектов гимнастёрок в результате жесточайшего спора, дошедшего даже до лёгкой драки, поделили между собой наши ротные дембеля – и то всем не хватило. И делили они всего восемь комплектов, ибо один по праву сразу забрал себе каптёрщик (ротный кладовщик) Яша, он хотя и был всего только «черпаком», но уж такая у него блатная должность; а ещё один, уж разумеется, достался мне – как бы это комсорг роты да ходил вдруг чухнарём!

Когда я стучался в кабинет подполковника Кротких, новенькая необычная форма (со стоячим воротником, накладными кармашками на груди – шик!) была уже на мне. Целую неделю по вечерам я самолично (не может же секретарь комитета комсомола блатовать и молодых эксплуатировать!) ушивал-подгонял её по фигуре, оснащал-украшал твёрдыми погонами, новыми пуговичками, белоснежным подворотничком с продёрнутой поверху жилкой-кантиком (что напрочь запрещалось уставом, но разве ж может «старик» ходить без кантика?!), зауживал галифе до крайней степени, так что натянутые подтяжками они, эти бывшие галифе, становились похожи на трико танцовщика балета, до неприличия подчёркивая все мои *мужские* достоинства – но чего не сделаешь ради писка казарменно-армейской моды!..

Я, естественно, даже несмотря на новенькую форму, намеревался подпустить в ритуал козыряния и уставного доклада, как обычно, толику иронии. Я уже и голос-тон соответствующий настроил, приоткрывая дверь замполитовского кабинета, как вдруг словно споткнулся внутренне: прямо напротив дверей сидела на стуле *она*... Понимаю, все эти курсивы, многого-

чия и прочие графические ухищрения ничего не объясняют, никакой конкретной информации не несут. Ну, а как эту самую информацию передать? Как объяснить просто и толково, что я в тот же момент, в ту же секунду словно как толчок в сердце ощутил, словно как понял-осознал мгновенно на подсознательном, на сверхглубинном уровне каком-то – это *она*... Это – *она*... Это – *ОНА*... Не знаю, как ещё можно подчеркнуть-выделить! Я раньше о подобном только читал да знал понаслышке, а теперь вот сам испытал: действительно, оказывается, можно ощутить странный толчок в сердце и начать глубже дышать при самом первом взгляде на женщину, и тут же почувствовать, что между вами вдруг возникла-протянулась мгновенно какая-то паутинка-связь...

Сначала – общее впечатление: у неё были распущенные по плечам светлые волосы, слегка волнистые, у неё были большие тёмные глаза, посмотревшие на меня сначала строго и высокомерно, но тут же вдруг смягчившиеся (гимнастёрочка!), тонкое лицо её с чуть резковато очерченными скулами было *аристократическим* в том смысле, в каком понимаю это определение я, начитавшись Стендаля и Тургенева, стройная, даже, можно сказать, сухошавая фигура под светло-палевым открытым платьем, необыкновенно длинные ноги в прозрачном капроне... Да что там объяснять: она была вся какая-то необыкновенная, из *другого* мира! Причём, напомним-подчеркну: несмотря на свой армейско-солдатский статус, я общался с женским полом каждый день, так что взгляд мой ни в коем случае нельзя было посчитать *голодным*.

Разумеется, я отпрянул, бормотнув нечто вроде: «Вы заняты?», – но подполковник Кротких удержал меня:

– Заходи, заходи! Как раз кстати. Вот, Мария Семёновна, один из лучших наших ротных секретарей – сержант Николаев, из пятой роты. Я вам о нём говорил...

Эта незнакомая ещё мне Мария Семёновна окинула меня оценивающим взглядом, лицо её уже совсем смягчила улыбка. Я чуть руками не всплеснул от восхищения – какая ж у неё была улыбка! Руками я не всплеснул, я от расправившего меня восторга тут же и глупость выкинул, опарафинился. Я как последний олигофрен шизодебилный выпятил свою цыплячью грудь в новой гимнастёрке, молодцевато, как мне мнилось, бросил оттопыренные острия пальцев к пилотке, прищёлкнул сточенными по армейской моде каблуками сапог и начал, багровея от натуги, рвать:

– Товарищ! Подполковник!! Сержант!!! Николаев!!!! Прибыл!!!!!!

– Стоп! Стоп! Саша, с ума сошёл? – даже привскочил Александр Фёдорович. – Да ты Марию Семёновну напугаешь!

Красавица рассмеялась.

– Проходи, садись, – продолжил замполит, – и познакомься с нашей новой заведующей сектором учёта комитета ВЛКСМ части Марией Семёновной Ключевой. Надеюсь, вы с ней найдёте общий язык, подружитесь...

Знал бы добрейший Александр Фёдорович, ЧТО он тогда сказал!..

* * *

Уже вскоре я в казарме только ночевал.

Я и раньше-то, когда находился в расположении части, то в своей роте времени мало проводил, всё больше в библиотеке или в штабной радиокомнате торчал, а теперь и вовсе дорогу домой, в наш крайний подъезд забыл. Полк наш размещался в панельном доме, внешне похожем на обыкновенную городскую пятиэтажку. Вот я окончательно как бы и переселился в первый подъезд, где размещался штаб, только теперь прописался на пятом этаже, в комитете ВЛКСМ части. Старший лейтенант Чернов, командир комсомолки полка, показывался здесь редко, да у него и отдельный кабинет был. А мы с Машей обитали в её комнатке-закутке, загромождённой шкафами с учётными карточками воинов-комсомольцев.

Машей она для меня, естественно, не сразу стала. Я, поначалу сам себя обманывая и пытаюсь обмануть её, взялся таскаться через день да каждый день в сектор учёта к Марии Семёновне, якобы, по неотложнейшим делам. О-го-го, каким я вмиг стал самым аккуратным, деловым и старательным ротным комсомольским вожаком не только в нашем полку, но в гарнизоне, а то и – во всей Советской Армии, включая Воздушные Силы и Военно-Морской Флот. Сто лишним учётных карточек комсомольцев-воинов нашей роты я без устали заполнял, дополнял, поправлял, вылизывал, чистил, просматривал, проветривал, проглаживал, пересчитывал, сверял, перекладывал, выравнивал... А кроме этого разве ж мало могло быть и других дел-забот у *настоящего* секретаря комитета комсомола роты в секторе учёта комитета ВЛКСМ части?..

Понятно, что если человек не совсем туп и нагл, его обязательно будет угнетать собственная назойливость по отношению к другому человеку и придавливать мысль-тревога, что тот человек терпит тебя только в силу аристократического воспитания и безмерной доброты характера. Меня и угнетала моя назойливость, меня и придавливали подобные мысли, но я ничего поделать с собою не мог. Гениальное пушкинское: «Но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть уверен, что с вами днём увижусь я...», – это про меня. Утром на подъёме, вздрогнув по привычке от мерзкого рёва старшины или дежурного по роте и переждав топотгам салаг и черпаков, я заворачивался поплотнее в одеяло, но сон теперь *бежал моих глаз*, даже если я пришёл с ночной смены и только-только завалился в постель. Я думал о Маше. Я о ней мечтал... И, понятно, едва дождавшись девяти часов, я опрометью бросался на 5-й этаж штабного подъезда. Я теперь охотно подменял своих сотоварищей по сантехнической службе во вторую и третью смены, так что почти каждый будний день имел возможность *вплотную заниматься комсомольскими делами-заботами*. Вот именно – будний! Суббота с воскресеньем начали превращаться для меня в подлинную пытку, пока...

Впрочем, я забегаю вперёд!

Повторяю, меня угнетала поначалу мысль-тревога, что я чересчур назойлив, надоедлив, докучлив и несносен. Я торчал в кабинетике Марии Семёновны, что-то лепетал-общался, но всё украдкой заглядывал в глаза её, дабы захватить-заметить в них отблеск скуки и раздражения. Я бы, клянусь, нашёл тогда в себе силы скрутить себя, схватить, образно говоря, за шкирку новой моей моднячей гимнастёрки и вытащить из этого райско-комсомольского кабинета. Но в том-то и закавыка, в том-то и парадокс, что никак я отблеска такого в прекрасных глубоких глазах Марии Семёновны уловить не мог и, с облегчением переведя незаметно дух, со взмокшей спиной продолжал что-то говорить-бормотать, жадно пожирая её взглядом и явно чувствуя всеми фибрами души и тела какие-то томительные флюиды, исходящие от неё. Если быть грубым и точным: в присутствии Маши, находясь от неё в двух-трёх метрах, через стол, я испытывал по накалу и температуре абсолютно то же самое, что с Любой в момент оргазма. Поэтому я даже и помыслить-представить боялся, что произойдёт-случится, если я прикоснусь хотя бы только к её руке...

А уж о поцелуе я и мечтать не смел.

Впрочем, я зачем-то начинаю фиглярничать. Разумеется, уже вскоре я с душевным трепетом начал догадываться, что Марию Семёновну мои визиты и долгие сидения в её кабинетике-будуаре не так уж сильно тяготят. Само собой, разговоры наши со временем перестали ограничиваться комсомольско-дурацкими заботами. Мы нашли более волнующую тему – литература. Вот тут уж я мог показать-проявить себя в самом выигрышном свете! Обыкновенно, я не очень-то красноречив, особенно с женщинами, но лишь только разговор касался литературы – о, тут я почти мгновенно превращался в Цицерона, в Бояна, в Шехерезаду, в Соломона библейского. По крайней мере – в страстности тона. Я слюной начинал брызгать, когда говорил о литературе – вот до чего доходило. И можно представить себе моё, если можно так выразиться, восхищённое обалдение, когда выяснилось, что Маша не только любит и знает литературу (что в женщинах встречается не так уж часто!), но она знает её профессионально, серьёзно, лучше

меня. И закончила она к тому же библиотечный факультет института культуры. Я, читавший до этого по методу «что под руку попадёт» и в основном классику, вскоре целенаправленно поглощал журналы и книги, которые приносила мне из дому Маша, всё самое-самое – «Беседы при ясной луне» Шукшина, «Живи и помни» Распутина, «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Немного солнца в холодной воде» Саган, «Три товарища» Ремарка, «Сожжённая карта» Кобо Абэ...

Но вскоре, несмотря на все наши жаркие разговоры-диспуты о литературе, я вполне убедился, что я *боюсь* Марию Семёновну. Много позже из трактата Стендаля «О любви» я вычитаю-узнаю, что патологическая робость в присутствии женщины есть первый признак настоящей любви. Да, да! По утверждению великого француза-любвеведа, одним из основных признаков, и самых точных, того, что вы полюбили, что вам не просто нравится эта женщина, а вы именно воспылали к ней любовью-страстью, этим признаком служит именно робость. И я ведь совсем забыл сказать, что Маша, Мария Семёновна была на три года старше меня, имела сына Павлика четырёх лет, муж её, старший лейтенант Клюев, командовал ротой в соседнем полку, и девичья её и тоже литературная фамилия – Гликберг⁹ – каким-то непонятным образом усиливала и уплотняла мою робость. Я звал её Марией Семёновной, она меня – по имени, Сашей, но тоже на «вы». И я, конечно же, втайне мечтал, чтобы как-нибудь, в пылу-разгаре разговора *пустое «вы» горячим «ты» она, обмолвясь, заменила...*

Однажды, прошёл уже месяц со дня нашего знакомства, мы опять, забыв обо всём на свете, *общались*. Маша как раз принесла после обеда сборник рассказов Василия Макаровича Шукшина, о котором я до того только краем уха слыхивал, и, торопясь нас с ним свести-познакомить, вслух взялась читать мне:

РАСКАС

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашёл на столе записку:

«Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила»...

Маша уже знала, что дальше будет смешно, я же по первым строкам настроился на драму. Правда, слово «пенёк» меня уже удивило. Вскоре мы были вынуждены то и дело прерывать чтение, хохоча как безумные над «раскасом», который написал бедный деревенский Каренин в районку по горячим следам своей семейной трагедии.

Значит было так: я приезжаю – на столе записка. Я её не буду пирисказывать: она там обзываться начала. Главное я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. Ей все говорили, что она похожая на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дуручка не понимает: ну и что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале. А ей когда говорили, что она похожа она прямо щастливая становилась. А еслив сказать кому што он на Гитлера похожий, то што ему тада остаётся делать: хватать ружьё и стрелять всех подряд? У нас на фронте был один такой – вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой всё в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут. Ну не дура! Она вобщем то не дура, но малость чокнутая нацёт

⁹ Гликберг – настоящая фамилия поэта-сатирика Саша Чёрного (1880–1932); Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – известный русский поэт. И вот ещё что: а не имеет ли фамилия Гликберг отношение к неологизму «глик»?

своей физиономии. Да мало ли красивых – все бы бегали из дому! Я же знаю, он ей сказал: «Как вы здорово похожи на одну артистку!» она конечно вся засветилась... Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обчеству и радёшеньки! А гусударство в убытке...

Эх, вы!.. Вы думаете еслив я шофёр, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу! Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я сейчас пишу, а при встрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать што я кому-то угрожал но при встрече могу разок угостить. А потому што это тоже неправильно: увидел бабёнку боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпался к ней. Увирую вас хоть я и лысый, но кое кого тоже мог бы поприжать, потому што в рейсах всякие встречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибуть жена? А они есть такие што может и промолчать про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходеи людям.

Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што она там наладит новую. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре года прожили. Не дура она после этого? А гусударство деньги на её тратила – учила. Ну, и где же та учёба? Её же плохому-то не учили... У ей между прочим брат тоже офицер старший лейтенант, но об ём слышно только одно хорошее. Он отличник боевой и политической подготовки...

И тут, как раз на этих строках «Раскаса» дверь без стука отворилась и в наш мир ввалился незнакомый мне старший лейтенант в парадной форме. Мы с Машей, по инерции смеясь, на него глянули. Старлей, не обратив на меня ни малейшего внимания, закричал Маше:

– Ну чего ты не звонишь-то? Что, забыла? Нам же к четырём успеть надо!..

Улыбка с лица Маши сползла-исчезла, сменилась невольной досадой. И эта заметная смена её настроения вдруг тёплой волной радости колыхнулась внутри меня.

– Помню я, помню! – досадливо ответила она. – Ты бы прежде с человеком поздоровался...

Клюев (уж, конечно, я догадался!) удивлённо смерил меня взглядом сверху донизу. Я, впрочем, встал и даже принял-изобразил подчёркнуто некое подобие стойки «смирно». Он несколько ошарашено протянул:

– Здра-а-авствуйте, товарищ сержант!

– Здравия! Желая! Товарищ! Старший! Лейтенант! – прогавкал бодро я.

И тут же краем глаза я увидел-заметил, как Маша поморщилась, сжала от досады кулачок, недоуменно на меня глянула. Вот те на! Значит, с подполковником Кротких такие шутки проходят и одобряются, а со старлеем Клюевым ни-ни? Но меня заклинило, меня понесло, меня потащило. Я набрал в лёгкие воздуху и ещё более дебилно отлаял:

– Секретарь комитета Вэ эЛ Ка Сэ эМ пятой роты войсковой части пятьдесят пять двести тринадцать сержант Николаев сверку комсомольских документов к Ленинскому зачёту закончил! Раз-з-р-р-решите идти, товарищ старший лейтенант?!

– Идите, – огорошено ответил Машин муж, на полном серьёзе козыряя мне в ответ.

Я лихо сам себе скомандовал вслух: «Напрааа-во!», – шарахнулся-саданулся плечом о косяк так, что штукатурка посыпалась, вывалился из кабинета, спустился как в чаду на третий этаж, прыгающими пальцами еле правился с замком, взялся смолить-жечь сигареты одну за другой и метаться по тесной клетушке своей загромождённой радиокомнаты, шепча и вскрикивая то и дело: «Вот гадство!.. Ну и ну!.. Да-а!..» Самое противное было то, что я сам себе внятно не мог объяснить, с чего это я вдруг так взъерошился. И вообще, парень, какое ты имеешь право взъерошиваться? Ну с какого ты здесь припёку-то, а?..

Это случилось-произошло во вторник. Уже со среды я упорно, преодолев все препоны, взялся выходить на боевое сантехническое дежурство в первую – дневную – смену. Люба, глупышка, вострепелась. Впрочем, я таки давал ей какие-никакие надежды-поводы: очень уж на душе было паршиво и хотелось участия, сочувствия и – пропади оно всё пропадом! – женской ласки. Любин мужик в воскресенье уматывал в командировку, а пока, в ожидании этого, мы с ней играли в жманцы-обниманцы по углам да целовались украдкой. Целовалась Люба, несмотря на нескольколетний супружеский стаж, неумело, плохо – жеманно.

Контора наша занимала подвал пятиэтажного жилого дома, в свободное от аварийных вызовов время я любил посидеть на свежем воздухе у подъезда на лавочке, читая книгу и вдыхая ароматы цветочных клумб. Если, разумеется, никто не мешал. В пятницу после обеда читать мне не давала Люба. Она сидела рядом, болтала без умолку и тормозила меня: ах, да как это мне читать не надоест, да как бы скорее воскресенье настало, да что если нам завтра, в субботу, где-нибудь встретиться... При этом бедная Любаша натурально висла на моём плече, а, надо признаться, комплекции она была далеко не самой легкокрылой, в балерины бы мою Любаню точно не взяли...

Вдруг я резко откачнулся от неё, оттолкнулся и отодвинулся. И только уже сделав это, понял-осознал – почему: по тротуару шла-приближалась к нам Маша, Мария Семёновна! Я уже вздумал было зачем-то юркнуть, как нашкодивший щенок, в подъезд, в свой спасительный подвал, но Маша была уже страшно близко, уже смотрела на меня, и сначала удивление, а затем и радость (да-да, радость!) засветились поочерёдно на её лице.

– Саша?

Я хотел вскочить, но обнаружил, что уже давно сделал это, чуть было не бросил руку к пилотке, но вовремя опомнился, забормотал:

– Здравсте!.. Я вот тут... Мы тут дежуриим... Вот и Люба... Любовь Дмитриевна... Она – мастер... Мы в первую смену дежуриим!.. Чтоб аварий не было!..

– Да? – спросила Мария Семёновна. Несмотря на раздрай внутри себя, я заметил её смущение и явную растерянность. – А я живу в этом доме... В первом подъезде... Я домой иду...

– Домой?.. Это хорошо!..

– Да, домой это хорошо...

Мария Семёновна окончательно смешалась, кивнула как-то неловко и молча головой, как бы прощаясь, и быстро пошла прочь. Каблучки её по асфальту – цок! цок!

Я совершенно позабыл о Любе, а она вдруг как вскочит, как вскрикнет чуть не на всю улицу: «Эх ты!», – закрыла лицо ладошками и побежала тоже прочь, только в противоположную сторону. Я тупо смотрел ей вслед и слушал напряжённым слухом сзади: цок! цок! цок!..

В подвздохе сладко пристанывало.

* * *

Самое лучшее определение человека, моё по крайней мере, – баран яйцеголовый.

Ведь я на сто процентов точно знал и был уверен, что если я в понедельник с утра заявлюсь в комитет комсомола части – мне там будут рады. Однако ж продолжал сидеть в роте, в Ленкомнате, играть с дежурным по хате сержантом Жуковым в шахматы. К слову, шахматы – ну совершенно дурацкая игра! Они думать-размышлять о постороннем не дают-мешают. Я проигрывал партию за партией, стратег хренов Жуков мурлыкал марши и самодовольно похрюкивал. Я чего-то тянул время, выжидал.

И – выждал-дождался!

Прибежал дневальный, лысый салажонок, и, заикаясь от волнения, сбивчиво доложил: секретаря комитета комсомола 5-й роты просят срочно явиться в комитет комсомола части...

– Точно просят? А может, всё же – приказывают? – нашёл в себе духу пошутить я и опрометью бросился в штаб...

Мы, конечно, мы, разумеется, мы говорили с Марией Семёновной только о комсомольских делах-заботах. Да, сначала мы обсуждали только неотложные комсомольско-молодёжные задачи в преддверии того самого Ленинского зачёта... Потом ещё о чём-то говорили – может, о литературе, может, о водопроводных авариях, может быть, даже о мастере ЖКУ Любе или отличнике боевой и политической подготовки старшем лейтенанте Клюеве... У меня в одно ухо влетало, в другое выпархивало. Я каким-то сто двадцать шестым чувством понимал-догадывался, предчувствовал-ожидал чего-то невероятного, что, я знал, непременно сегодня случится, обязательно произойдёт...

Перед обедом, перед выходом на обед, Мария Семёновна, как обычно, хотела подкрасить губы (я ужасно любил этот момент!), уже тюбик с помадой из сумочки вынула, но вдруг бросила его обратно, щёлкнула замочком, встала, поправила причёску перед зеркалом, вышла, как обычно, впереди меня в полумрак коридорчика-тамбура, подёрнула зачем-то запертую дверь старлея Чернова, наклонилась к своей двери, вставляя ключ в замочную скважину, сделал один оборот, вдруг выпрямилась, скинула сумочку с плеча, зацепила-повесила на торчащий ключ, повернулась ко мне, качнулась вплотную, обняла, прижалась и, заглядывая сумасшедше блестящими глазами в мои глаза (мы были одного роста), выдохнула приглушённо:

– Ты *этого* хочешь?

Не знаю, что меня сильнее потрясло: впервые сорвавшееся с её губ «ты», непонятное, таинственное «этого» или пьяняще-пугающее «хочешь». Я не соображал и не хотел соображать. Я жадно, неуклюже, изо всех сил прижал её к себе, ткнулся губами сначала в щёку, в нос, успел мгновенно и окончательно испугаться, что сейчас всё превратится в фарс, нелепо оборвётся, отыскал-таки в полумраке её рот, приник, губы её поддались-раскрылись, она ответила на поцелуй и вдруг застонала, тело её в моих объятиях шевельнулось в извиве, почти в конвульсии, я правой ладонью нашёл её грудь, угадывая-ощущая каким-то чудом под двойным слоем материи трепетную нежность соска...

И вот, когда я, уже всюю истекающий соком, взялся наобум Лазаря чего-то у неё там шарить и пытаться расстёгивать, Маша вдруг оттолкнула меня, шепча бессвязно: «Всё!.. Не надо!.. Потом!.. Хватит!..», – поправила блузку, схватила сумочку, повернула на второй оборот ключ и исчезла. А я ещё минуты две столбом торчал в предбаннике *нашего* кабинета, боясь что-нибудь понимать и окончательно во что-нибудь поверить. Потом, когда я пробирался по лестнице к себе в радиорубку, мне приходилось прикрывать от встречных штабистов мои чересчур зауженные по армейской моде бывшие галифе специально снятой для этого с головы пилоткой.

Я пылал, я горел, я был буквально болен.

Окно редакции радиогазеты выходило, к счастью, на наш полковой плац. Я прилип к нему, едва отдышавшись и уравнив пульс. Впрочем, толком сделать это не получалось, я вновь и вновь ощущал-чувствовал на губах своих губы Марии Семёновны, Маши, слышал въяве её приглушённый стон. Только б никакая сволочь меня сейчас не дёрнула, не отвлекла – комроты или подполковник Кротких...

– Стоп! – сказал я сам себе. – Остынь, парень! Александра Фёдоровича-то не трогай. И – член свой о подоконник не сломай!..

Невольно фыркнув, я заставил себя оторваться от окна (всё равно она раньше чем через час не вернётся) и заметался по своей норе-комнатушке, пытаюсь проанализировать случившееся. Такого поворота событий я и предполагать не мог. Скажем точнее: я и мечтать об этом не смел. Я к ней, к её руке только однажды случайно прикоснулся – подал ей карандаш, упавший со стола, так меня и то в жар бросило, и я корчился на стуле с четверть часа, старательно прикрывая всё той же пилоткой свои дурацкие сапёрские штаны. Да что там – прикосновение-касание! Я вообще в её присутствии, только лишь заглядывая в её глаза, слыша её

голос, улавливая обострившимся до невероятности чутьём пьянящий *запах женщины*, исходивший от неё, испытывал примерно то же, что испытывал ещё подростком в предутренних жарких снах, заканчивающихся первыми содрогательными поллюциями. То, что я испытывал-почувствовал только что, в полутёмном коридорчике, этот взрыв телесного и душевного наслаждения, даже и сравнить-сопоставить нельзя было с тем суррогатом судорог, каковыми завершались-заканчивались суетливые совокупления с той же Любой или теми несколькими девочками, женщинами и бабёшками, с которыми до того постигал я упрямо скорбный опыт плотской любви.

Этот скорбный опыт мне и подсказывал – Рубикон перейдён. После поцелуя, после *таких* поцелуев дальше всё покатиться по накатанному пути. О, может быть уже сегодня, уже через час-полтора я буду раздевать Машу, шарить жадными руками в самых потаённых уголочках её тела, буду ласкать-горячить неистовыми поцелуями её губы, груди, живот, бёдра!.. Стоны её будут становиться всё громче и бесстыднее, телодвижения всё откровеннее и неистовее, она будет кусать меня от страсти и в самый последний миг, когда переплетённые в экстазе тела наши начнут содрогаться в конвульсиях оргазма, она исступлённо вопьётся ногтями в мою спину, и я от сладостной боли в голос зарычу...

В сей мечтательно-пикантный момент, чуть не спустив, не кончив наяву, я сам себя грубо оборвал-охолонул: ага, и в это время войдёт старлей Чернов или, того чище, старлей Клюев! Да и как ты собираешься, голубчик, всё это осуществить на деле – на полированном столе, что ли? Или, может, прямо на затоптанном полу? Да и вообще, ты разве об этом мечтал-думал? *Только* об этом?..

И тут я начал вытворять сам с собой невероятные вещи, фантастические! Я смотрел в окно, с третьего своего этажа, как идёт-цокает по асфальту плаца Мария Семёновна к штабному подъезду, прослушал, скорчившись у двери, как она прошла-поднялась (цок! цок!..) по лестнице к себе в поднебесье, задержавшись на секунду (или это только показалось мне?) на *моём* этаже, затем выбрался почти на цыпочках из штаба и зачем-то вдоль стенки, скрываясь, хотя окна комитета комсомола выходили на другую сторону, на казарму соседнего полка, пробрался *домой*, в свою роту. Там я, забыв совершенно про обед, запаковался в одеяло и попытался унырнуть в успокоительный сон. Меня слегка лихорадило, голова распухла от дум-переживаний, на душе было смурно. Мне и вправду каким-то чудом удалось часа на два уснуть – словно погрузиться в тёплую ванну, заполненную нирваной томительных грёз.

Изматывающих грёз-сновидений...

* * *

Нет, правда, так поступают только совсем спятившие!

Помятый с утра комроты Хоменко минуты две изучающе рассматривал мою совсем не бравую стойку, хмурил кустистые брови. Моё заявление-демарш об экстренном выходе в первую смену ему не понравилось. Он засопел, густо задышал перегаром.

– Что-то ты, комсорг, я смотрю, чудить начал, а? И в роте дела совсем забросил – всё по штабам больше ошиваешься. Из сектора учёта, говорят, не вылазишь... Что, вольным себя уже почувствовал, сынок? Рановато! Или блоть заела? Я блоть-то вышибу! Вот что: пойдёшь сегодня дежурным по роте – понял? Чтоб от безделья и всякой хренотени не маялся...

Капитан, как всегда, был красноречив и резок. Впрочем, может, он и прав, может, действительно, всё это – *хреновень*? Я и хотел, отодвинувшись от Маши в пространстве подальше, капитально всё обдумать-обмозговать. Я жутко мандражировал. И сам толком не мог объяснить себе – чего я так боялся? Не мужика же её, в конце концов, этого *отличника боевой и политической подготовки*, которого видел лишь раз и о котором Мария Семёновна говорить-поминать не любила. И не сына Павлика, о котором она говорила-вспоминала с охотой, но которого

я видел пока только на фотографиях. Выходит, я её, саму Машу, боюсь? Или – себя? Или всё же того, что должно непременно вот-вот произойти-случиться между нами?..

Вообще-то я смутно догадывался о подспудных причинах накатившей на меня давящей робости. Я не раз проигрывал-прокручивал в воображении эту гнусную картину: я вхожу или вбегаю, или даже влетаю в кабинет Маши на крыльях своей клокочущей (уж разумеется – клокочущей!) любви, бросаюсь к ней, дабы обнять, прижать к пылающему (да, пылающему!) сердцу, страстно (страстно!) поцеловать, как вдруг – ладошка-преграда навстречу, недоуменный взгляд, высокомерное: «Это что ещё такое?!»...

Дежурить по хате мне до этого приходилось всего раза два, с непривычки я к вечеру умайдохался, и когда на вечерней проверке сдал дежурство другому сержанту, с облегчением упал в постель и почти сразу отрубился. Но всё же успел, по извечной своей мазохистской манере, потрогать-пощупать родимые душевные болячки, порасколупывать их: весь день ты, парень, ждал-надеялся, что тебя каким-нибудь макаром пригласят-позовут в штаб, *на пятый этаж*, ты об этом потаённо мечтал, голубчик, потому что ещё глуп и наивен, как щенок трёх-месячный...

На следующий день, упорно удерживая себя в роте якобы наинеотложнейшими делами-заботами и вздрагивая-замирая от звонков телефона на тумбочке дневального, я продержался до обеда и затем вприпрыжку поскакал в родное ЖЭУ на сантехническую вахту во вторую смену. Уже сравнительно поздно, часов в девять, когда напарник мой, рядовой черпак, один уехал по пустячному вызову прочищать забитый унитаз, я включил душ на полную мощность и всласть помылся-поплескался. Нет, всё же не дурак был папаша Шарко – душ отлично утихомиривает разгулявшиеся нервишки. Я начал напевать ещё под струями, явственно улавливая, несмотря на хреновый слух, в шуме их музыку, продолжал заливаться вполголоса соловьём, напяливая на себя исподнее и форму, ещё мурлыкал и выходя из душевой, расчёсывая свой солдатский куцый чубчик:

*У любви как у пташки крылья,
Ля-ля-ля-ля-ля! Ля-ля-ля-а-а!..*

И – остолбенел: посреди нашей зачуханной затхлои дежурки невероятная в своей розовой кофточке и светлой юбке стояла Мария Семёновна Клюева, и со смущённой улыбкой смотрела на меня.

– Вы??! – выдохнул я.

– А мы уже опять на «вы»? – спросила она и, явно стараясь побороть смущение, шутливо нахмурила брови. – А вот за *ваше* пение *вас*, товарищ сержант, мало на гауптвахту посадить!

– Но как же?.. – в отчаянии глянул я в сторону диспетчерской загородки, мне было не до шуток: оттуда через стекло на нас в упор засматривалась Галина Максимовна – сегодня, как назло, случилась именно её смена.

Маша недоуменно тоже, вслед за мной, посмотрела на глазастую женщину: дескать, в чём дело? Я увлёк её побыстрее на улицу и, поднимаясь вслед за ней по лестнице, чуть не задохнулся наконец от счастья. Её появление именно здесь и именно сейчас было такой фантастической, но такой втайне *ожидаемой неожиданностью*.

– Маша! – вскричал шёпотом я (в первый раз я так её назвал!). – Ты что не узнала? Это же – Галина Максимовна Сазыкина! Жена командира *вашего* полка!

– Да? – не очень сильно удивилась Маша. – А мы с ней и не знакомы. Я вообще офицерских жён ни из *вашего* полка не знаю, ни из *нашего*. И – слава Богу! А ты вот лучше, дружок, скажи, почему это вдруг носа не кажешь? Я тебе уже третий день на работу Ремарка ношу... Обиделся, что ли?

Я запунцовел, увёл взгляд в сторону, дебилно замычал что-то нечленораздельное (тьфу, какое мерзкое слово!). Главное, я не знал, как к ней обращаться. Вернее, я хотел снова сказать-вскричать: «Маша!» – обнять-сжать её в объятиях, простонать страстно: «Я по тебе так соскучился!» – и начать её ненасытно целовать, дабы повторилось безумие понедельника, но... Вот именно – растреклятое «но»! Решимости не хватало.

– Маша! – всё-таки вскрикнул я и схватил её в страхе за руку: она хотела сесть на скамью и именно на то место, где сидела ещё совсем недавно Люба. – Пойдём...те отсюда!

Я думал, она повернёт к первому – своему – подъезду, но мы отправились в другую сторону. Уже крепко смеркалось. У третьего подъезда стояла такая же скамья, она была пуста. Мы сели. Я мучительно придумывал шутку, с которой начался бы лёгкий непринуждённый разговор. Я уже дебилную ухмылку на лицо приклеил и начал было: «Муж из командировки возвращается...», как Маша развернулась всем телом ко мне, положила руки мне на плечи и, строго засматривая в глаза, почему-то шёпотом сказала:

– Не надо! Слышишь? Не надо вести себя, как мальчишка! Я что – сама тебе в любви объясниться должна, да? Ты что, ничего не понимаешь?..

Я, оглушённый, обхватил её и уже совсем было решился поцеловать, но она сама – опять первая – приникла к моим губам...

Когда я чуть очнулся, руки мои обнаружили под её кофточкой, на спине, судорожно растёгивающие крючочки – я страшно суетился, боясь, что меня остановят-прервут. Я никак не мог разобраться где там что, сцена затягивалась... Вдруг она, в нетерпении оттолкнув меня, завела свои руки назад, гибко перегнулась, сделала пару лёгких движений и опять приникла ко мне губами. Моя рука тут же скользнула под лёгкую материю и, не встретив препятствий, накрыла-сжала податливый холмик груди. Маша вздрогнула, выгнулась в моих объятиях, стон – то ли её, то ли мой, то ли наш общий – наверное, заставил вздрогнуть жильцов первого этажа. Было страшно неудобно сидеть изогнувшись, с перекрученным телом. Да и никак не получалось запустить под кофточку сразу обе руки. Я уже крайне осмелел, я уже хотел удобства в ласках, я уже мечтал о большем...

И тут меня озарило, я вспомнил – Господи, да как же это я мог позабыть!

– Маша! – я вскочил. – Подожди, Маша! Вот что, Маша! Я совсем забыл, Маша!..

В подвале именно этого, третьего, подъезда, который тоже занимало наше ЖЭУ, располагался красный уголок – там было сухо, там было чисто, там было пустынно, и там стоял *прекрасный* теннисный стол. Ещё пару часов назад мы с напарником резались там в пинг-понг, и я, как всегда, надрал его в десяти великолепных партиях, но не в этом суть, суть-то совершенно в другом, суть в том, что ключ от подвала я так до сих пор ещё и не отдал, не сдал Галине Максимова, он, этот распрекрасный красавец ключ, лежал-покоился, голубчик, в кармане моей пижонско-дембельской гимнастёрки, и мне осталось только достать его и применить по назначению – открыть двери рая, где нет ни единой посторонней души, но зато есть *великолепный* теннисный стол...

Я хотел объяснить всё это Маше, у которой огромные глаза в сумерках казались совсем чёрными и смотрели на меня нетерпеливо и вопросительно. Вдруг взгляд её соскользнул с моего лица куда-то в сторону, за моё плечо, хмельная улыбка начала исчезать-растворяться с её лица, исчезла вовсе, и она, приглушённо вскрикнув, чуть оттолкнула меня. В тот же миг кто-то сзади грубо ухватил меня за плечо и рывком развернул. Я глянул и – как мордой об асфальт: гансы!

Сволочной и безжалостный армейский патруль.

* * *

Капитан Хоменко был суров:

– Ты что, комсорг, половой гигант, что ли? То в секторе учёта ночует, то на рабочем месте свиданки устраивает!

Я попытался было объяснить, как и накануне гансам, что это всё случайно, что незнакомая мне женщина из этого дома хотела пригласить меня для устранения течи в кране, что я и вышел без пилотки, ремня и маршрутного листа – только взглянуть на кран... Да разве командирам и гансам-сволочам можно что-нибудь объяснить-втолковать?

– Слушать приказ! – оборвал комроты. – С сегодняшнего дня, если узнаю, что в секторе учёта находился – лычки пообрываю к чёртовой матери и на дембель в последнюю очередь пойдёшь. Старшего лейтенанта Чернова я предупредил. Всё ясно?

– Так! Точно! Товарищ! Капитан!

– То-то же! И вообще, давай собирай отчётно-перевыборное – хватит благовать...

Капитан Хоменко, чуть подобревший от моей покладистости, что-то ещё там мне втолковывал, но я уже даже и краем уха не слушал. Что же, я теперь, выходит, Машу совсем не увижу? Абсурд какой-то! Но с командиром роты окончательно портить отношения отнюдь не хотелось, да и с него станется поставить в известность своего коллегу из соседнего полка старлея Клюева. И что тогда будет? Впрочем, кривить душой не буду: мужа Машиного я совсем не опасался, и не потому, что я такой уж чересчур крутой и смелый, а потому что уже знал-догадывался – сама Маша его ни на йоту не боится. Мало этого, она его совершенно не любит! Ну, может быть, не совсем совершенно, вернее, совсем не совершенно... Чёрт, короче она его не любит, вот и всё! Между прочим, мне она призналась, что при первой же нашей встрече, в кабинете подполковника Кротких, её как в сердце ударило – я ей лицом напомнил учителя литературы, в которого была она без памяти влюблена первой отчаянной любовью ещё в 8-м классе...

Я должен был, без сомнения, тут же, как только грозный капитан покинул расположение роты, послать свободного дневального пошустрее в штаб с запиской, я мог бы и позвонить в комитет комсомола части и попросить к телефону для срочного важного разговора завсектором учёта Клюеву, я мог бы... Да много чего можно было придумать, дабы поговорить-закончить с Машей и не попасться на глаза старлею Чернову. Но вместо этого я взял на время у каптёрщика чужие ремень с пилоткой и вместе с личным составом роты вышел за КПП и побрёл в свой подвал. Конечно, хотелось отмыться под горячим душем после ночи, проведённой в вонючей камере гарнизонной губы, разумеется, надо было забрать пилотку и ремень, само собой, лучше лично объясниться с начальником ЖЭУ и мастером Любой по поводу вчерашнего моего внезапного исчезновения с дежурства... Однако ж в глубине души я понимал, что первопричина лежит совсем не в этих мелочах, причина кроется в моей странной – с оттенком своеобразного альфонства, что ли? – натуре: мне почему-то страстно хотелось, чтобы Маша поволновалась за меня вдосталь, чтобы опять сама нашла способ со мной встретиться, чтобы она своим волнением за меня, своим желанием меня увидеть, несмотря ни на какие препятствия, доказывала и доказывала, демонстрировала мне свою любовь, в которую я всё ещё боялся верить...

Чёрт его знает, ну невозможно это всё в точности объяснить словами! Я просто ощущал-чувствовал неизъяснимое наслаждение от того, что Маша сейчас волнуется за меня, придумывает, как со мной увидиться, просто думает обо мне, не может не думать. И я предчувствовал-предполагал, какое в стократ более восторженное наслаждение, какой душевный оргазм (да и телесный – чего уж там!) испытаю я, когда Маша *найдёт* меня, когда мы через некоторое время встретимся. Право, предвкушение счастья порой хмелит не слабже самого момента счастья.

Но главная глупость человека заключена в том, что он постоянно забывает одну простую истину: не надо гневить Бога! Дальше всё покатило стремительно и как бы вниз да вниз, к пропасти. Когда после обеда, плюнув на все свои альфонско-стратегические прожекты, я

примчался в часть и снарядил-таки парнишку-дневального в штаб с запиской, он вернулся вскоре с неожиданным известием – комитет ВЛКСМ закрыт. Я звякнул в 3-ю роту, 8-ю, 7-ю... Наконец, комсорг 2-й роты младший сержант Квасов оказался в курсе: Мария Семёновна из сектора учёта – на больничном, у неё, кажись, ребёнок заболел...

На следующий день я полторы смены торчал на лавочке перед ЖКУ— дежурил. Напрасно! Тогда, уже часа в четыре, я повесил на плечо сумку с инструментами, шахтёрский фонарь, в руку для наглядности взял самый большой газовый ключ, пошёл в первый подъезд, поднялся на пятый этаж (Маша обмолвилась, что живёт под крышей), позвонил в квартиру № 17. Открыла древняя бабуса.

– Сантехника вызывали? – уныло спросил я.

– Сантехника не вызывали, – в тон мне печально ответила старушка.

Из-за дверей соседней квартиры раздавался детский плач. Рука моя дрогнула, звонок получился какой-то сбивчивый. Открыл *он*.

– В чём дело? – голос был раздражён, он пытался по инерции вдеть вторую руку в кольцо подтяжек, обернулся в глубь квартиры: – Это не врач!

– Простите, – робко квакнул я. – Мы опрессовку системы отопления производим – надо воздушные пробки из радиаторов удалить.

– А позже никак нельзя? – поморщился от своего раздражения Клюев.

– А позже никак нельзя! – поморщился от своей наглости я.

– Ну ладно, проходи... Я, впрочем, ухожу. Там – жена, покажет...

Он меня, к счастью, не узнал, чертыхаясь, справился наконец с подтяжками, снял с вешалки китель, приладил свои старлейские погоны на плечах, браво выпятил напоследок грудь перед треснувшим по диагонали зеркалом, стремительно вышел. Я хотел бы ненавидеть его, а мне он был почему-то просто-напросто до лампочки...

Из проёма комнатной двери на меня во все глаза смотрела Маша. Я её даже сразу не узнал. Лицо её так стремительно меняло выражение, что я совсем растерялся: испуг – удивление – замешательство – досада – обида – боль – раздражение...

– Ну зачем, зачем ты пришёл *сюда!* – почти вскричала она, запахивая поплотнее махровый халат и пытаясь пригладить рукой растрёпанные волосы.

– Опрессовку... – начал было я, но Маша меня и слушать не стала, тесня к двери. – Не хочу! Не хочу! Я не хочу, чтобы ты *всё это* видел! Чтобы ты меня *такой* видел!..

И я – ушёл.

* * *

Сын Маши болел почти месяц.

Мы виделись мельком раза три возле *нашего* дома. Уже золотился всю октябрь. Пора было окончательно что-то решать. Я сам до конца не понимал, что подразумевается под этим «что-то», но я очень хотел уехать из этого опостылевшего закрытого городка, я жутко соскучился по своему родимому селу, по всем своим родным и близким, я страстно мечтал подготовиться и поступить уже в следующем году в Московский университет, но я и не мог представить себе, что смогу расстаться с Машей...

В один из дней, когда военный городок опустел, я отправился в штаб к замполиту Кротких с заключительным моим выпуском радиогазеты – следующий номер уже готовил мой сменщик, бойкий ефрейтор из 1-й роты. Я постучал, услышал: «Входите!», – набрал воздуха в грудь для доклада и поперхнулся: в кабинете подполковника сидела Маша, абсолютно на том же стуле и в той же позе, как и два с лишним месяца тому назад при первой нашей встрече. Я почему-то попятился и выскочил вон.

Едва дождался я, пока она выйдет.

– Маша!..

– Подожди, сейчас я все вопросы с Черновым решу, потом ты ко мне зайди...

– Я не могу к тебе! Мне запретили... Ты ко мне, на третий, в радиогазету...

– Хорошо, хорошо! Через час...

Мысли её были заняты чем-то другим.

Но часа через полтора я действительно держал её в своих объятиях. Мы старались не шуметь – в соседней комнате, через перегородку обитал полковой фотограф, до нас доносился его бодрый свист: он всегда насвистывал, проявляя и просматривая плёнки. Впрочем, вскоре мы о нём совершенно забыли. Я уж думал-боялся, что такое блаженство никогда больше не повторится. Поначалу мы ещё отрывались друг от друга, дабы что-то пробормотать бессвязное или просто взглянуть друг другу в помутневшие глаза, но затем слились-соединились в непрерывном каком-то невероятном, сумасшедшем поцелуе. Мы оба, пристанывали, всхлипывали и задыхались. Маша вдруг нетерпеливо схватила мою руку и сама направила её под свой свитерок, как бы приказывая: ласкай, ну ласкай же! Язык её, проникая в мой рот, заставлял меня вздрагивать. Движения наши нашли единый ритм, мы целовались и сжимали друг друга в объятиях всё сильнее, всё иступленнее, всё судорожнее...

Вдруг дрожь охватила её тело, она выгнулась раз, другой, как бы стремясь втиснуться в меня без остатка, сдавленно охнула, уткнулась-вжалась лицом мне в плечо, вцепилась зубами, сдерживая стоны, и тут же, когда до меня дошло, *что* случилось, я и сам вдруг почувствовал приближение горячей волны, успел мысленно вскрикнуть: «Боже мой!», – и тут же сознание заволочло-затуманило нестерпимо сладостной болью...

Мы так и стояли, обнявшись, пряча лицо друг в друге, ещё пару минут, приходя в себя. Чёрт!.. Ни хрена себе!.. Господи!.. Я и не знал, что такое бывает!..

Крышка стола врезалась в крестец. Я шевельнулся, пытаюсь отодвинуться, выпрямиться, потревожил Машу. Она ещё сильнее вжалась в меня лицом, глухо, невнятно что-то произнесла.

– Что? – не понял я.

– У вас есть вода в ванной? – почему-то зло переспросила она, осматриваясь с отвращением вокруг.

– Есть, – виновато ответил я, – но там фотограф снимки промывает...

– А-а! – махнула она раздражённо рукой, поморщилась, расправляя юбку, и пошла к двери.

– Маша!

– Потом! Завтра!.. Я приду, в это же время...

Впрочем, мне и самому хотелось остаться в одиночестве, придти в себя. Да и, действительно, хотя бы чуть надо было привести себя в порядок – у меня, жеребца стоялого, едва ли в сапогах не хлопало...

Время после обеда я провёл в страшной суете. Пришлось здорово-таки поторговаться с каптёрщиком Яшей, но, в конце концов, он мне за червонец сдал в аренду матрас, подушку, две почти новые простыни и наволочку. В два приёма мне удалось перетащить-переправить это постельное богатство в свою штабную нору без приключений. Потом я, словно первоклассник, вооружившись тряпкой, тщательно отмыл пол, на этом не успокоился – ещё и окно протёр как сумел. Затем взялся решать постельную проблему. Вернее, я бы возвышеннее назвал это – проблему брачного ложа. Сначала я хотел попросить на время ещё один стол у соседа-фотографа и сконструировать-воздвигнуть вполне монументальное сооружение, но, зрело поразмыслив, отказался от этой затеи: во-первых, карабкаться на него будет смешно и не эстетично, а во-вторых, от расспросов фотографа не отобьёшься. Может, просто расстелить матрас вдоль стенки под окном у батареи, да и заправить сразу, загодя, постель?.. Слава Богу, я от этой затеи всё же отказался. Когда Маша на следующий день постучалась ко мне, свёрну-

тый матрас лежал на втором стуле в углу, постельное бельё белело на нём, скромно на что-то намекая.

Впрочем, какие, к чёрту, намёки! У меня тут же, выражаясь словами из дебильного анекдота, матка опустилась: Маша была не одна – первым в комнату делово шагнул какой-то мужик! Мужик был ростом с метр и очень бойкий. Он вскинул растопыренную ладошку к пилотке и доложил:

– Павлик! Мне уже четыре года!

Сама Маша была в плаще, тёмном брючном костюме, деловая и строгая, несмотря на некоторое смущение.

– Вот, попрощаться зашли...

– Как попрощаться? – я понимал, что надо бы спрашивать надрывнее и волноваться, но был почему-то необыкновенно сонлив. Я словно как предчувствовал нечто подобное.

– Да я ведь расчёт получила. Уволилась.

– Не может быть... – вяло удивился я.

– Да, может! Я, правда, ухожу! Вчера и Чернов, и Кротких, и командир части заявление моё подписали... Ты что не веришь? – чувствовалось, она заранее приготовилась к взрыву с моей стороны и теперь никак не могла найти нужный тон.

– Верю. И куда же теперь? – собственное спокойствие меня поражало.

– Во «Фрегат», официанткой.

В этом дурацком степном городе, стоящем за тыщи вёрст от ближайшего водоёма, единственный кабак назывался почему-то «Фрегатом».

– Во «Фрегат» официанткой? – меня явно заклинило.

Маша глянула – Павлик сосредоточенно осматривал-изучал радиоаппаратуру в углу.

– Я не могу, не могу, мне осточертело! Понимаешь? – она пыталась изо всех сил говорить тихо, сквозь зубы. – Надоело получать восемьдесят рублей в месяц, надоело ходить на каблуках по плацу, надоели эти голодные солдатские рожи вокруг – хожу как голая...

– «Солдатские рожи» – это про меня?

– Да нет, конечно! Перестань!.. Да и с тобой... Не могу я вот *так*, понимаешь? Я хочу, чтобы красиво всё было, *чисто*... Да и ты всё равно совсем скоро уедешь... Ни к чему всё это...

Она вдруг положила руки мне на плечи, помедлила чуть, вглядываясь и словно ожидая, что я оттолкну её, и поцеловала – сильно, долго, мучительно. Я на поцелуй не ответил.

– А я папке расскажу! – крикнул младший Клюев.

Я повернулся к нему, чтобы урезонить, но из-за плотного тумана в глазах никак не мог увидеть-разглядеть его лицо. Да и – к чему?

Ни к чему всё это!

Ни-к-че-му!.....

Глик восьмой

Этим стоточием не автор оборвал – я.

Там дальше мой Николаев-старший ещё во всех подробностях описывает, как он через две недели получил обходняк, как в последний вечер перед уездом домой достал цивильные шмотки, переделался и припёрся в ресторан «Фрегат» – попрощаться со своей Машей (у меня есть подозрения, что имена-фамилии в «Стройбате» – подлинные), как наглотался через меру армянского коньяка, перешвырял чуть ли не все дорожные деньги в шапку оркестрантам, заказывая песни для «замечательной девушки Маши», как объяснялся ей в любви на заблёванном дворе ресторана под свист ноябрьского ветра, как бился головой о колоду для рубки мяса и клялся-обещал вернуться в этот забайкальский городишко (только вот на родину краем глаза глянет, одним только краешком!) и как в самый наипоследнейший-распоследний раз поцеловал свою коханую прыгающими от горя, от пьяных рыданий губами...

Когда я весь фрагмент распечатал на принтере и дал посмотреть своей филологине, она, уж конечно, скривилась: «Ползучий реализм!» Я, разумеется, иного и не ожидал: Анна моя торчит от текстов Пелевина, Сорокина и прочих постмодернистов-онанистов. Впрочем, какой тот же Пелевин, к хренам собачьим, модернист: я попробовал читать его «Generation “П”» – махровый сатирический реализм в духе Салтыкова-Щедрина да Ильфа-Петрова, только без их искромётной весёлости... Да, согласен, у Александра Николаева чересчур много подробностей, так называемой бытовухи, дотошности в письме. Но а как без этого передать психологические нюансы, объяснить движения человеческой души, *показать*, а не просто *рассказать*? Впрочем, повторяю, концовку его повествования о любви я таки смял-сократил.

Второй комментарий-замечание Анны Иоанновны по поводу прочитанного был ещё более предсказуем:

– Что, кладовщицы Любы ему мало было? Как отец твой бабником был, так и ты – весь в папашу!

– Не кладовщицы, а мастера...

Я подозреваю, что жена на полном серьёзе считает: я уже всех баб от 15 до 50 в Баранове нашем перетрахал-оприходовал, а теперь вот совсем на этой почве свихнулся – о Джулии Робертс возмечтал... Это она, Анна, с целью умыть меня, подкинула в разговоре восхитительный палиндром: «Венер хотят охренив». Охренив так охренив! Зато – Венер! Нет, какой всё же отличный афоризм склепал-сформулировал отец мой: «*Если во время оргазма не теряешь сознания – для чего же тогда трахаться?*» Я, впрочем, смягчил бы по форме, но ещё более ужесточил по содержанию: «*Если глюки от поцелуя не ловишь – зачем тогда вообще целоваться?*»

– Что-о-о?

Я, оказывается, вслух это произнёс.

– Ничего, дорогая! Я говорю – пропадай моя душа, рвись трусы на ленты!..

Анна сразу отвязалась, она страсть как терпеть не может *вульгарный фольклор*, её прямо тошнить начинает от народного юмора. Где она только силы берёт ковыряться упорно в Сергеев-Ценском. Между прочим, когда она тему для диссертации выбирала, я пробовал пристыдить её, урезонить: мол, если тебе нравится Пелевин, почему бы тебе его не взять или вообще этот вонючий постмодернизм? Как же, пристыдишь – она и дипломную писала по Ценскому, и, если масть такая дальше пойдёт, докторскую по нему стряпать-лепить будет – классик местный, поддержка и сочувствие кафедры и всего университетского начальства стопроцентно гарантированы. И вообще, в нашем университете из десяти кандидатских диссертаций по русской литературе девять защищаются по автору неподъёмного «Преображения России» и, уж разумеется, все без исключения успешно. Это вам не Достоевский!

Кстати, перед самой защитой *нашей* диссертации я и совершил два тяжких преступления: в самый момент, когда надо было напрячь весь семейный и личный бюджеты для этого судьбоносного дела, я совершил одну за другой две немыслимые с точки зрения разумной логики траты-растраты. А случилось вот что. Насчёт глюков от поцелуя – это ведь я не шучу. Это ведь всё начало вытворяться со мной и на самом деле. Вернее, не совсем на самом...

Дело в том, что Джулия стала заполнять мою жизнь, входить в неё уже как бы и материально, что ли. Я успел выловить по телеканалам и посмотреть кроме «Красотки» ещё шесть фильмов с её участием: «Коматозники», «Капитан Крюк», «Дело о пеликанах», «Я люблю неприятности», «Есть о чём поговорить» и «Все говорят я люблю тебя». И каждый раз впечатление было в лучшем случае недоуменное, но чаще ужасное и даже катастрофическое. Сердце от боли сжималось, ей-Богу!

Нет, «Коматозники» ещё ничего – тема запредельно интересная, сюжет захватывающий, стилистика необычна, но в угрюмой героине я едва-едва проглядывал-узнавал *свою* Джулию, так поразившую меня в «Красотке». Да ещё накладывало на мои впечатления от «Коматозников» скверный отпечаток то, что я уже знал из интернет-сплетен о бурном романе её с напарником по фильму Кифером Сазерлендом – с этим гнусным, похожим на сытого подсвинка малым. Мне он здорово напоминал одного моего однокурсника Борьку Сысоева – совершенно отвратительного парня с унылым лицом простатика! Эта дебиловатая особь, я имею в виду Борьку, вздумала как-то, когда мы с Аней ещё женихались, на первом курсе, к ней подкатываться, куры строить. Да, да! И Анна моя Иоанновна (тогда, правда, ещё не совсем моя) чего-то там краснела в его присутствии... Не могу понять: что бабы в таких розовощёких мерзких блондинчиках находят? Ну, ладно, дура Анна – ещё куда ни шло, но Джулия-то, Джулия!..

Один момент-кадр в «Коматозниках» заставил меня вздрогнуть-напрячься и забыть все мои ипохондрические придирки: это когда Джулия (вернее, героиня фильма), потревоженная видениями, вскакивает с постели и застывает на миг посреди комнаты – в тонкой белой маечке, не столько скрывающей грудь, сколько подчёркивающей её. Господи, да много ли надо человеку с богатой болезненной фантазией, которому достаточно увидеть-разглядеть две выпирающие точки под тонкой материей, дабы дорисовать-восполнить всё остальное...

Следующим я посмотрел дурацкий «Крюк». Фильмец этот, и правда, до предела, до маразма дурацкий – с этой битвой разноцветными тортами, с этими цветами, нюхающими гениталии мужика и чихающими, с этим непременным американским бейсболом... Впрочем, ладно, не буду. Я понимаю разумом, что это я из-за Джулии. Вот у неё, действительно, роль совершенно нелепая – то ли фея-светлячок, то ли светлячок-фея с причёской «я у мамочки Гаврош» и нелепыми стрекозиными крылышками за спиной, в каких-то штанишках мальчишеских. И зачем только она согласилась! Такую роль в советском кино сыграла бы какая-нибудь коротышка-травести вроде Надежды Румянцевой или Лии Ахеджаковой. И самое смешное, это когда Питер Пен (Робин Уильямс) вдруг присюсюкивает в адрес Джулии-мотылька: мол, какие ножки хорошенькие... Ещё бы! И как только гад разглядел-оценил! Ну и, абсолютно идиотическая сцена, когда Джулия целует этого самого Питера Пена (пристанывая при этом!) и говорит-признаётся этому олуху: «Ай лав ю!», а он, подлюга, её натурально динамит и возвращается к своей законной супруге – двуногой серой мышке. Нет, она, жена этого болвана Питера Пена, конечно, женщина, но по сравнению с Джулией Робертс – серая мышь в квадрате. Тем более, что Джулия как раз перед объяснением в любви появляется-предстает в своём *нормальном венерном* виде: с рыжей пышной причёской, в белом длинном платье, так похожая именно на прекрасную фею... И ещё чуть сглаживало раздражающее впечатление от картины знание, что с режиссёром отношения у Джулии во время съёмок не сложились, да и вообще работа была не в радость, без дружеской атмосферы на съёмочной площадке, нервоматательная. Я это к чему? А к тому, что уверенность у меня почти что стопроцентная создалась-оста-

лась: ни с самим Спилбергом, ни с Робинот Уильямсом, ни тем более с коротышкой Хофманом *ничего* у Джулии не было...

И слава Богу!

Детективы «Дело о пеликанах» и «Я люблю неприятности» оставили двойственное впечатление: конечно, я с наслаждением смотрел на Джулию, следил за интригой сюжета, но и с лёгкой досадой понимал-осознавал – на месте Джулии в этих ролях могла быть-оказаться любая другая актриса, более ширпотребовского уровня таланта и внешности, и ни фигура бы от этого не изменилось. Хотя нет, я, к примеру, потом по второму разу смотрел эти ленты именно и только из-за Джулии, так что расчёт режиссёров вполне оправдался, потому что таких, как я – счастливец, *ушибленных* Джулией, – в мире, думаю, более чем предостаточно, но самой Джулии не следовало бы соглашаться на такие проходные роли, нет, не следовало бы...

Впрочем, именно в «Пеликанах» есть пара кадров, которые стоят целого фильма: это, во-первых, когда Джулия переодевается в гостиничном номере перед свиданием с замаскированным под друга киллером и несколько мгновений старательно позирует перед камерой в одном беленьком лифчике (уж стройна так стройна!); ну и, конечно, – финальный чудесный кадр: она, сидит на скамье в саду и просто улыбается в объектив. Просто улыбается и – всё. Но, Боже мой, как же она хороша, как прекрасна в этот миг-момент! И я именно тогда, уже второй раз смотря финальные кадры «Дела о пеликанах», окончательно осознал-понял своеобразие красоты, *самость* Джулии – это её улыбка, смех, свет, который исходит от неё во время этого. И режиссёры, которые предлагают ей угрюмые, хмурые и прочие пасмурные роли – мало чего смыслят в женской красоте вообще и своеобразии неземной красоты Джулии Робертс в частности.

У Кнута Гамсуна о героине «Мистерий» сказано: «Она смеётся так непринуждённо и охотно, несмотря на то что зубы её не отличаются белизной...» Бр-р-р, не могу представить! Как может нравиться смех женщины, у которой жёлтые зубы? Впрочем, *моя* Джулия смеётся «так непринуждённо и охотно» совсем не оттого, что зубы у неё отличаются необыкновенной белизной...

Стоп, чего-то я заиклился на зубах – уж любимой-то женщине в зубы точно не смотрят! И всё-таки ещё чуть объясню-размажу: в кино, на экране, *вживую*, мне жуть как нравится безудержный неповторимый смех Джулии – к примеру, в сцене из «Красотки», когда она телек смотрит, или когда Гир ей в шутку пальцы футляром от колье прихлопнул, – но на фото я больше люблю, когда она просто улыбается. Или когда схвачен момент ещё за секунду до начала смеха, когда губы её ещё только-только начинают оживать в улыбке, раздвигаться. А губы, Боже мой, какие у неё необыкновенные, странные, вкусные, сумасшедшие, *джулиевские* губы! Какой у неё рот! У неё, у Джулии, – не-о-бык-но-вен-ный рот!!!

У-у-у-у-уф!.. Всё, успокаиваюсь поелику возможно и – продолжаю.

«Есть о чём поговорить» или, как ещё переводят, «Тема для разговора» – картина, в общем-то, нормальная, не из самых худших. И моменты-эпизоды есть ничего, *стоящие*: особенно сцена, когда героиня Джулии совсем было решилась-собралась изменить своему мужу-козлу – уже и партнёр сыскался-подвернулся, и условия подходящие создались, она уже и пуговицы рубашки-кофточка даже расстёгивать начала, да всё никак не может настроиться на *изменчивую* волну, поступить по блядски-проститутски...

Но вот лента голливудского шута Вуди Аллена «Все говорят я люблю тебя» – это уж полный маразм. Маразматичнее, чем «Крюк», ей-Богу! Мало того, что у Джулии здесь роль не самая главная, мало того, что она начинает-принимается вдруг петь на полном серьёзе, так ещё и по ходу сюжета она, опять же на полном серьёзе, влюбляется в героя Вуди Аллена...

Кстати, вот что особенно и раздражает в этом плане – её партнёры-мужики на экране.

Тут ещё, конечно, роль свою сыграло то, что Ричард Гир планку сразу высоко поднял. Да, что ни говори, а Ричард Гир рядом с Джулией смотрится – мэн ещё тот! А остальные – такие

дикобразы, такие уроды ластоногие, такие в прямом смысле *чёрт-те что и сбоку бантик*... Как самой Джулии не противно с ними обниматься, целоваться, дарить им свои улыбки, свой смех и смотреть на них лучистым, якобы, влюблённым взглядом?

Впрочем, якобы-то якобы, но если мерзопакостные слухи-сплетни насчёт её романов со всеми партнёрами по съёмочной площадке независимо от возраста и внешних данных имеют под собою толику оснований, выходит она даже и со страшилой Вуди Алленом действительно могла что-то иметь? И эта красивая по форме (потому что Джулия!), но отвратительная по содержанию (потому что Аллен!) сцена из фильма могла действительно произойти в жизни?!

Вспомним-ка: номер гостиницы, с похабно измятой постели встаёт обнажённая Джулия... Ну, не совсем обнажённая, но всё равно, что совсем: руки, плечи, спина – остальное дорисовать-вообразить нетрудно, закутывается-прикрывается простынёй и говорит с едва сдерживаемым восторгом:

– Это было невероятным!.. Ну просто всё, абсолютно всё, что ты делал, совсем всё – просто прекрасно, идеально!..

Она идёт босыми ногами, придерживая на груди простыню (и такое впечатление — тряпка вот-вот упадёт, приоткроет нежное тело ещё больше!) и садится рядом с этим уродом, с этой каракатицей в роговых очках, и он, этот гриб зачуханный, этот сверчок плешивый, делово этак, гад, затягивает пояс своего халата и самодовольно так, гнусно как бы кокетничает-спорит:

– Ну вообще-то не идеально... Был один момент, когда я тебя погладил, а нужно было на самом деле пощекотать... Я извиняюсь!

А Джулия отваливается на подушки в изнеможении и продолжает, как будто и вправду только что совершила сладостный изнурительный половой акт не с этой мартышкой, а с каким-нибудь Шварценеггером:

– Господи, я как вся онемела!

А тот прыщ пупырчатый берёт её левую ручку в свои хилые клешни, мнёт-ласкает и гундосит:

– Я буду счастлив, если ты со мной поедешь в Париж!..

Тьфу! Смотреть противно! И Джулия охотно соглашается, опять встаёт, опять придерживает простыню так, что вот-вот и обнажится совсем и для меня, а не только для этого шимпанзе, с которым, якобы, только что неистовствовала в постели, и он, инфузорий, ласкал-щекотал её тело как только хотел и мог... Оно, конечно, комедия есть комедия, но мне, право слово, было не до смеха, когда я её смотрел.

А с другой стороны – пресловутая амбивалентность! – я в то же время как бы со стороны, как-то отвлечённо понимал, что и сюжет этот, и Вуди Аллен в роли любовника Джулии Робертс – всё это должно мне чем-то нравиться, обязательно должно меня чем-то *удовлетворять*. И когда я сел и спокойно попытался разобраться-проанализировать свои ощущения, то и понял-осознал: да, до Ричарда Гира мне ох как недостижимо далеко, но вот уроду Вуди Аллену неужто я тоже уступаю? И уж если Джулия могла упыря Вуди полюбить, то...

И всё-таки, повторяю, после «Красотки» все фильмы с участием Джулии, какие удалось мне посмотреть-увидеть, меня в большей или меньшей степени, но разочаровывали. А между тем Интернет уже подсказал мне, что талант Джулии Робертс особенно раскрылся в лирических комедиях, что блистает она в лентах «Свадьба моего лучшего друга», «Сбежавшая невеста», «Ноттинг Хилл»... Однако ж фильмы эти в наших, барановских, кинотеатрах не крутились, по телящику почему-то не показывались, а видака у меня, увы, в хозяйстве не водилось.

Правда, был один случай – не случай, а одно только расстройство...

Я услышал-узнал из «Вестей», что в Москве уже не первый день демонстрируется на экранах новый фильм с участием Джулии Робертс и Ричарда Гира «Сбежавшая невеста». Может быть, я и пережил бы это сообщение с горьким спокойствием, но как раз мне один диссертант за срочную редактуру своего талмуда подкинул грошей, я принял в кафешке сто пять-

десять бодрительного, потом, смотря телек, пиво попивал, в холодильнике ещё пара бутылочек охлаждалась, так что я пребывал в довольно элегическом состоянии. К тому же, в укромном месте покоилась грандиозная заправка в 180 рэ, которую, признаться, я наметил потратить, как положено, на подарок-презент своей Анне по случаю предстоящей вот-вот защиты диссертации. Но я услышал сообщение о «Сбежавшей невесте» и был вечер пятницы, а моя Анна Иоанновна, как будто специально, уехала на выходные к родителям в деревню под названием Пахотный Угол – у меня ведь супружница родом из Пахотного Угла, уж чего теперь скрывать-то! И фамилия девичья, у неё – Скотникова. Но это, опять же, так, к слову.

Повторяю, когда я услышал про «Сбежавшую невесту», переварил-обдумал эту информацию, выводы и заключения сделал, шансы просчитал, то вдруг жутко взбодрился, хлопнул для куражу ещё и полстакана отвратного скотча, который Анна для братца прячет-бережёт в глубинах шифоньера под одеждой, пиво из холодильника в пакет загрузил, заправку вынул, паспорт прихватил, кота соседям в 94-ю сбегрил, квартиру запер и галопом поскакал на вокзал – еле-еле успел к отходящему скорому на Москву...

Утром, раным-ранёхонько, когда стоял я на перроне Павелецкого вокзала, на душе у меня было довольно смурно. Общих вагонов в скором 31-м не было, так что пришлось разориться-угрохать на плацкарт восемьдесят рублей. Постель я, разумеется, не брал, и тряская ночь на жёсткой голой полке тянулась бесконечно, особенно тот её отрезок, когда пиво закончилось.

Столица встретила меня ноябрьской непогодой, и денег оставалось более чем в обрез. Назад в скором поезде и плацкартном вагоне мне уже точно не ехать, горячего теперь наверняка не есть, да ещё неизвестно, почём нынче билеты в московские кинотеатры. Я, по совету Антона Павловича Чехова, попробовал найти юморную сторону в моей ситуации, и я её нашёл: получалось, я как бы создавал-формировал своеобразную пародию на один из эпизодов «Красотки» – миллионер Эдвард на зафрахтованном авиалайнере летит из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско специально, чтобы посмотреть оперу; я на оплаченной полке жёсткого плацкарта примчался из Баранова в Москву единственно для того, чтобы увидеть фильм...

Хорошо живём!

Но юмор юмором, а без денег в Москве буквально и шагу нельзя ступить: на платный туалет пришлось раскошелиться-отстегнуть целый пятерик. Но зато я очистился *внутренне*, помылся как следует *внешне*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.